

10+

Городских историй
от Вероники Мелан
в одном сборнике

Вероника Мелан
10+ Городских историй
от Вероники Мелан
в одном сборнике

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63321941

10+ Городских историй от Вероники Мелан в одном сборнике:

Аннотация

Когда скучаешь по Нордейлу в ожидании новых книг, вдохни его волшебный воздух со страниц рассказов. В них всегда найдется любовь, знакомые лица, юмор, удивительные приключения и возможность невесомо прикоснуться к параллельной реальности, отсалютовать теплым "приветом" Дрейку, Бернарде и всем-всем-всем. В сборник входят: «Рыжая Клякса», «Приключения Бернарды и Городских мальчиков в нашем мире», «Совпадение», «История Черных камней», «Дэйн знакомится с...», «Новогодний Город 2014», «Новогодний Город 2015», «Новогодняя Магия», «Замочная скважина».

Содержание

"Рыжая Клякса"	4
От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	40
Эпилог	51
«Приключения Бернарды и Городских мальчигов в нашем мире»	56
Глава 1	56
Глава 2	68
Глава 3	82
Великая Китайская стена	86
Водопад Игуасу. Южная Америка	87
Эль-Нидо. Филиппины	90
Норвегия. Tromsø	98
Глава 4	103
Полысаевка. Где-то в России	104
Глава 5	120
Пустыня Сахара	123
Эпилог	127
«Совпадение»	132
Глава 1	133
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Вероника Мелан

10+ Городских историй от Вероники Мелан в одном сборнике

"Рыжая Клякса"

Из цикла рассказов серии "Город"

Email: ladymelan@gmail.com

Марта Карлайл готова на все, лишь бы добиться расположения коллеги по работе Дилана Браннигана: следовать за ним из отдела в отдел, терпеть грубость и сарказм, закрывать глаза на эгоистичное поведение и продолжать мечтать по ночам, любуясь купленными для двоих кольцами, которые она никогда не решится подарить. Ведь это любовь? А за любовь нужно бороться? Но что случится, если однажды она все же сделает подарок, но не ему, а себе? Сбросит шоры, освободит сердце и позволит взгляду устремиться вдаль – туда, где на горизонте уже поджидает совершенно новое, другое, наполненное замечательными событиями будущее? Все просто – случится чудо.

От автора

Спасибо Маргарите Шилак за поддержку и дружбу, и спасибо тем ситуациям, которые вывернули меня наизнанку и позволили написать этот рассказ. Спасибо Марте Диптан за вычитку и коррекцию текста.

Глава 1

(Steven Sharp Nelson – Carol of the Bells (for 12 cellos))

– Ты повезешь меня домой!

– Нет.

– Да!

– Возьмешь трамвай, не развалишься. Только до офиса.

Марта одновременно сжала кулаки и зубы – иногда ей хотелось вцепиться этому упрямому идиоту в волосы. Но вместо оскала она выдала ему медовую, полную скрытого злорадства, улыбку.

– Может, ты забыл, что прописано в договоре? После каждого проекта ты отвозишь меня туда, куда я говорю. А я говорю домой!

Желваки на напрягшейся челюсти Дилана побелели. Он по-драконьи раздул ноздри и сжал губы в полоску.

– Мне от офиса не по пути...

– Хочешь, чтобы я написала жалобу?

Сучка. Она знала, что он хотел сказать именно это – сучка ты, Марта! Давно бы уже купила машину и перестала выносить мне мозги. Противная, эгоистичная дура. Как что, сразу ссылаешься на договор...

Не тратя времени на дальнейшую перепалку, Бранниган развернул машину; взвизгнули шины, сзади послышался

возмущенный сигнал клаксона, ударившего по тормозам водителя. Седан ускорился.

Тишина в салоне продлилась недолго. Мужские пальцы лежали на руле спокойно – не колотили по нему подушечками, не терли черную выделанную кожу, не елозили вверх-вниз, но Марта знала – Дилан в бешенстве. Он пребывал в нем всякий раз, когда она начинала на чем-либо настаивать или предлагать идеи. Или вообще находилась рядом.

Ночные улицы, полупустые кафе, запертые на замок двери бутиков; немые витрины со слепыми манекенами.

Почему они не могли *просто* ехать? Или *просто* говорить? Как нормальные люди, а не как два ошестившихся, готовых сцепиться, ежа.

– Знаешь, Клякса... – начал говорить водитель с возникшей, словно по волшебству, любезной улыбкой на лице.

– Я не Клякса...

– ...скоро я вообще не буду тебя возить. Скоро рядом со мной будет сидеть милая, прекрасная напарница – сговорчивая, квалифицированная и приятная в общении, а тебя будет возить Донован или Джонсон.

– С чего бы это?

Марта и сама не поняла, почему вдруг так заиндевила изнутри.

– Потому что я перехожу в Четвертый отдел.

– Что?

– Да, уже подал документы и принят на рассмотрение.

Он шутил. Он точно шутил, – не иначе. Не может такого быть, чтобы, не проработав в Третьем и года, переводились в Четвертый. Там ведь такие высокие требования, там сложность совсем другая, там...

– Мне нужно в офис! – Выкрикнула она не своим голосом. – Я кое-что забыла из бумаг.

– Сучка.

На этот раз он произнес это вслух – не побоялся. Седан, повинувшись желанию водителя, зло и резко развернулся на сто восемьдесят градусов и покатился в обратном направлении.

– Еще раз, – медленно и совсем недобро произнес Дилан, – заставишь меня изменить направление, и я сверну тебе шею.

Она кинула на него короткий удивленный взгляд и прикусила язык.

Бранниган, похоже, не шутил.

* * *

Стеклянная дверь-вертушка, напоминавшая карусель, где забыли расставить игрушки, медленно вращалась вокруг своей оси – Марта едва не навалилась на нее, чтобы ускорить ход, чем обязательно бы заклинила механизм. Такое уже случилось в прошлом, и Арчи – охранник – каждый раз ворчал на нее за нетерпеливость.

Гулко отразился от мраморных стен стук высоких спи-

лек; сидящий за столом пустого фойе Гарольд оторвал взгляд от спрятанного под стойкой монитора. Отодвинул в сторону недопитый чай и удивленно воззрился на подлетевшую, взмыленную и появившуюся в неурочный час, сотрудницу.

– Марта?

– Привет. Как дела?

Ответить он не успел, дама шумно выдохнула, положила руки на стойку – раздался шорох бордового плаща – и попросила, почти потребовала:

– Выдай мне бланк заявления.

– Стандартный?

– Да, стандартный.

Немолодой администратор протянул листок. Хотел было спросить, с чего такая спешка, но не решился – выражение на лице Марты Карлайл выражало не только высшую степень сосредоточенности, но и предостережение – «не подходи – убью». Запорхала по листу ручка; закачался прикрепленный к ней спиральный пластиковый шнур.

Гарольд ждал, глядя на рождающиеся из-под шарикового кончикчика наклоненные вправо строчки – читать в перевернутом виде он не мог, да и не пытался. А вот когда она протянула ему подписанный лист, просмотрел текст и присвистнул:

– Заявление на перевод в Четвертый? Ты... ты ведь несерьезно?

– А что, думаешь, не готова?

– Да я не поэтому... Но ведь ты в третий перешла полгода назад, едва оклемалась. А это опять тесты, инъекции, химия, проверки. В четвертом очень жесткий экзамен.

– Мне плевать.

– Девочка моя... – он всегда относился к ней тепло, с участием, старался уберечь от ошибок если не делами, то хотя бы советами, но в этот раз, глядя в блестящие глаза и упрямо сжатые в линию губы, понимал – не поможет. Ничто не остановит Марту, если та решила двигаться вперед. Упрямый, маленький, непробиваемый бульдозер – порой крайне вредный по характеру бульдозер.

– Зачем...

Он хотел добавить «спешишь?», но не стал. Вместо этого посмотрел с сочувствием и тихо спросил:

– Это из-за него, да? Из-за Дилана?

– Это из-за себя!

Она всегда щетинилась, когда кто-то вслух поднимал эту тему. Знали все, но говорить не решались – Марта шипела, как сбрызнутая водой кошка.

– Из-за него. – Гарольд качнул головой и вздохнул. – Ох, намучаешься же ты...

– Передай утром директору, ладно?

– Передам-передам.

Она поблагодарила холодной неискренней улыбкой и взглядом, в котором читалось «спасибо, что не лезешь», развернулась и зашагала к выходу.

Седоволосый мужчина проводил глазами напряженную прямую спину, раскачивающийся в такт ходьбе ворох кудрявых, рыжих волос, и положил лист в папку с пометкой «Важно».

* * *

(Bic Runga – Captured)

Она расслаблялась только дома. Здесь никто не кусался, не бил в спину, не сочувствовал, не учил и не вздыхал. И здесь она могла быть собой.

Могла тоже не кусаться.

Марта скинула у порога высокие сапоги, стянула плащ и шарф, повесила их на вешалку, положила сумку на трюмо. А пройдя в небольшую, отделанную в розовато-коричневых тонах, гостиную, какое-то время стояла, отходя от напряжения. Снимала защитные пласты брони, скидывала невидимые наплечники, мысленно расстегивала шлем, растворяла металлические перчатки, расслаблялась.

Маленькая, тихая, тонкая. И совсем не бойкая. Но им не увидеть.

Через минуту тряхнула рыжими кудрями, расстегнула пуговицы на горловине кофты и прошла в спальню переодеться.

Она смотрела на него каждый вечер.

На кольцо. Которое окрестила «Он-его-никогда-не-оде-нет».

Потому что она никогда не отдаст.

Не решится опозориться – как можно? Невидадь! Полная чушь... Чтобы женщина покупала мужчине кольцо? Не то что засмеют, сожрут с дерьмом. Ведь это прерогатива мужчины, ведь это у них парные наборы, это они решают кому и когда...

А она пошла и купила. Два. Одно пошире, с крохотным бриллиантом посередине и второе – поуже, уже без камня. Без букв, без надписей – просто два кольца.

Знала – размеры подойдут.

Марта протянула руку к коробочке и погладила золотой ободок – если бы на нем были буквы, они бы давно стерлись от ее прикосновений.

Вздыхнула. Не стала позволять слезам проливаться – ни к чему, хоть и жгут веки – силы нужны на другое. Будет новый день, будет видно. Говорят, если чего-то очень хотеть...

Поднялась, закрыла коробочку, положила на полку в шкаф, чтобы завтра снова достать и отправилась умываться.

Завтра великий день – завтра директор подпишет ее заявление. Не сможет не подписать – Марта Карлайл – лучший специалист по определению правды – женщина-детектор – и она перейдет на работу в Четвертый отдел.

Да. За ним.

Чтобы снова дать бой.

Чтобы снова получить шанс.

Второй, четвертый, шестнадцатый? И такой же бесполезный, как предыдущие.

* * *

Он звал ее Рыжей Кляксой.

Рыжей, потому что она действительно была рыжей – самой что ни на есть натуральной Медяшкой – с вьющимися, каштаново-красными волосами, карими глазами и бледной веснушчатой кожей, а Кляксой...

Кляксой он называл ее потому, что считал Марту жвачкой на своих штанах, пятном на полотне жизни и кляксой на чистой странице книги Судьбы. Эдакой прилипалой, которая вечно путается под ногами, куда бы он ни пошел и что бы ни начал делать. Тенью, двойником, рыбой-спутником, что, наверное, отчасти (а то и не отчасти) являлось правдой, потому что вот уже три года она следовала за ним из отдела в отдел – проявляла неслыханное упорство и била рекорды: сдавала тесты досрочно, зубрила неподъемный объем информации к означенному сроку, быстрее других восстанавливалась после инъекций. Конечно, делала вид, что все для себя, все ради работы, но Бранниган знал.

И Марта знала тоже.

Она стала лучшей женщиной-детектором – женщиной,

способной отличать правду ото лжи на уровне интуиции – вовсе не для того, чтобы носить домой зарплату в мешках, а для того, чтобы аккомпанировать на встречах лучшему в отделе дипломату-переговорщику.

Компания «Капитоль-Х», в которой они оба работали, занималась предоставлением высококлассных специалистов для проведения митингов и переговоров крупным бизнес-корпорациям.

«Хотите услышать от вашего партнера «да»? – заказывайте профессионала у нас. Хотите видеть подписанный в вашу пользу контракт? Заказывайте парламентаря из «Капитоль-Х». Потому что в комплекте с ним всегда идет невидимый, но обязательный атрибут – живой и неприметный детектор лжи, который позволит точно определить, правдивые ли условия сделки вам предлагают, и стоит ли на них соглашаться. Отсутствие риска! Сплошная выгода! Стоит один раз заплатить, чтобы не платить всю оставшуюся жизнь...»

И многие заказывали. Желали знать наперед, опасались рисковать понапрасну, хотели быть уверенными в том, что даже неудачные карты могут сложиться при верно проведенных переговорах в выигрышную комбинацию.

А посему ни Марта, ни Дилан, никогда не оставались без работы.

Он не может от нее уйти – ускользнуть, как пушистое облако сквозь решетку камеры, – не может, не должен. Если Дилан перейдет в Четвертый отдел, ему дадут другого напарника, а Марта останется здесь...

Везде. Без него.

Будет иногда встречать его в коридорах, видеть слепой, стоит его голове обернуться в ее сторону, взгляд, слышать не предназначенный ее ушам смех.

Почему? Почему одним дается просто, а другим никогда? За девчонками бегают мужчины – она сама видела – бегают, добиваются их, страдают, если не выходит. Мучаются выбором подарков, ловят каждый взгляд, маются, болеют сердцем. Почему не Дилан?

Потому что она, Марта, – некрасивая? Рыжая, бледная, нескладная, кареглазая, со слишком тощим лицом? Что не так? Что?

Кольцо в коробочке блестело под светом лампы – тонкий ободок, крохотный камешек, белый шелк внутренней отделки, темно-синий бархат снаружи – он никогда его не увидит.

Потому что она никогда не покажет.

Засыпая, Марта старалась не думать о том, что случится, если ее прошение о переводе на Четвертый подпишут. Белые лампы лаборатории, инъекции, шнуры, присоски, экран

с вопросами, тесты, капельницы с химическими составами. А потом будет болеть все тело – долго болеть. А после... Если результаты окажутся хорошими...

Если результаты окажутся хорошими, она получит шанс еще несколько раз увидеть направленный на себя презрительный взгляд человека, который ее никогда не полюбит.

Но ведь всякое может быть?

Даже соскальзывая в сон, она крепко держалась невидимой рукой за горло хрипящей, и пытающейся вырваться на свободу, надежды.

Глава 2

Прошение подписали спустя три дня.

А еще спустя три недели Марта получила на руки документ, удостоверяющий в том, что теперь она специалист – женщина-детектор – высшей категории, допущенный работать в Четвертом отделе.

Радоваться?

Стоя в коридоре перед дверью без номера и таблички, откуда она только что вышла, Марта смотрела на зажатую в руке бумагу с голографической печатью, логотипом компании Капитоль-Икс и новую карточку-идентификатор личности, и все никак не могла понять – когда начинать радоваться.

Сейчас?

И чему радоваться?

Тому, что выдержала новую порцию изнуряющих вливаний, череду бессонных ночей, лежа под капельницей? Высоким результатам? Исколотым венам? Тому, что по телу уже почти не бродили фантомные боли, которые еще неделю назад заставляли ее хрипеть и выгибаться на казенной кровати, застеленной, отбеленными сотню раз, простынями? Тому, что вернется домой специалистом с высокой – чего уж врать – баснословно высокой зарплатой? Тому, что может расколоть любого с первой секунды – честен или обманывает?

Да она могла все это и раньше. Всегда хватало лишь доли секунды, чтобы определить человеческую искренность и тесты для этого были не нужны. Она могла, как собака, почувствовать запах лжи, от которой ее кривило и мутило, могла моментально уловить нотки сомнения в голосе, была способна почувствовать учащающийся пульс и выступающую на коже испарину.

Да, она могла почувствовать любого. Всех и каждого, за исключением одного человека на всем уровне – Дилана. Почему единственный мужчина, с непробиваемой для нее защитой, оказался именно он?

Помогут ли новые вливания приобрести эту способность теперь? Узнает ли она хоть раз, о чем он думает, что чувствует, на что надеется?

Хотя... какая разница.

В лаборатории ей обожгли руку – пролили на кожу химический раствор – случайность, оплошность врачей, досадный инцидент, который они после пытались исправить, но так и не исправили – ожог на плече и нежной коже правой груди так и не затянулся.

– Он, возможно, затянется, вы не переживайте... Возможно, следа не останется. – Пытался оправдаться, разводя руками, врач.

Останется – она знала.

И если Дилан не любил ее раньше, то теперь – изуродованную – не полюбит уже никогда.

Такова жизнь. Надо принять. Точка.

* * *

Для следующей встречи она выбирала гардероб с особой тщательностью: бордовая водолазка под горло, кожаная жилетка сверху, кулон в виде алой звезды, черные леггинсы в обтяжку и сапоги выше колена на длиннющей шпильке; решила – самое оно. Да, вызывающе, да, такие штаны носят только дамы, которые о себе очень много мнят, но чем она хуже?

Мнить может не тот, кто что-то из себя представляет, а тот, кто захочет мнить – вот и вся разница.

Дилан воспринял ее наряд именно так, как она и предполагала – фразой: «Решила, что стала привлекательнее? Или дала знать всему отделу, что доступна для не обременяющего секса?»

Марта на антикомплимент не отреагировала – как сидела с пилочкой в руках, подтачивая длинные ногти, так и продолжила сидеть, не сменив выражение лица с равнодушного на обиженное, – слишком много чести, не дождется. Невидимую броню она успела надеть поверх наряда еще утром – ничего не забыла: ни шлем, ни наплечники, ни стальные перчатки, ни особенно плотную защиту для сердца, и теперь пребывала в полном спокойствии.

Сегодня они снова вместе – он зол. Сидят в одной комнате

– конечно, он в бешенстве. И просидят еще не один час, что приведет его в полную ярость, потому что деваться некуда, потому что Марта теперь в Четвертом отделе. Лучшая в Четвертом отделе.

Камеры транслировали совещание из освещенного солнцем кабинета на огромный экран их темной комнатухи: за столом сидело человек двадцать – все, как один, серьезные, напряженные, неприветливые, уже второй час силящиеся найти компромисс между двумя компаниями и, наконец, подписать некий договор о взаимовыгодном сотрудничестве. Диалог клеился нескладный, шел со скрипом, со ржавчиной и все время напоминал Марте о человеке, который не может спокойно испражниться – другими словами, диалог напоминал ей «запор».

Время от времени Дилан вмешивался в ход беседы и бросал в микрофон короткие четкие указания:

– Теперь предложите им заменить менеджера на своего... Да, будет надежнее иметь своего человека в их фирме. А сейчас предложите увеличить капитал инвестирования... Поднимите процент... Нет, здесь не соглашайтесь... Марта, этот хлыщ в костюме говорит правду?

– Который?

– Второй слева.

– Да.

– Все равно не соглашайтесь – вы можете получить лучшие условия.

Советы Дилана слушал через надетый на ухо микрофон усатый человек в полосатом галстуке – изредка кивал сам себе, стучал колпачком дорогой ручки по столу; Марта на экран почти не смотрела.

Вместо этого она изредка поглядывала на Дилана и в сотый раз задавалась одним и тем же вопросом: как она могла влюбиться в такого, как он? Эгоист, сам себе на уме... противный, вредный, грубый. Не уважает чужое мнение, падок на деньги, на всех смотрит свысока, часто язвит, совершенно не боится обидеть. Фыркает, вечно бьет дном кружки о поверхность стола – она бы не удивилась, если бы он еще и обутые ноги туда же закинул.

Тогда за что?

Пилка продолжала равномерно поскрипывать о ногти – вечером она покрасит их алым.

Он красивый – вот за что. Высокий, мощный, крепкий и настолько тяжелый на вид, что кажется – под ним просядет любой стул; весь состоит из мышц. Он наглый, но это, скорее, привлекательная черта. Вредный? Она готова терпеть. Она обожает его короткий хвостик на макушке и бритый затылок – такая прическа вмиг превратила бы любого юнца в неформала, ученого в неадекватного психа, музыканта в гея, но только не его, нет. Дилана она превращала в брутала – жесткого, первобытного, независимого и абсолютно свободного в выборе слов и действий мужчину. В самого себя.

Иногда, раздумывая о том, как он по утрам собирает пря-

ди волос и скручивает их резинкой, Марта тихо млела и слабела в коленях.

Она много от чего слабела.

От формы его губ – широких, но прекрасно очерченных, от бугристых плеч, на которые мечтала положить руки, от поблескивающих на запястье золотых часов, но чаще всего от прямого и равнодушного, как у хищника, взгляда. От того, что чувствовала в нем не показную уверенность, дерзость, высокомерие. Да, и даже оно возбуждало. Чертов самец...

Она хотела ему соответствовать – быть такой же дерзкой, смелой, свободной, хищной, но зачастую выходило иначе, криво. Смелость казалось атакой, дерзость попыткой защититься, свобода пахла пластиком, а хищник из Марты получался и того хуже. Не хищник, а драная обиженная кошка, шипящая по поводу и без – кто такую полюбит? Рыжую кудрявую кошку, Кляксу, теперь еще и обожженную...

Чем муторнее становилось внутри, тем плотнее сжимались губы: ну и черт с ним, она ничего не покажет – ни ему, ни кому-то еще. Ни единая душа не пробьется сквозь невидимые доспехи, она научилась их уплотнять, ковать из прочнейшей стали, не реагировать на обиды. Пусть пытаются, пусть думают, что Марта черствая, пусть ошибаются.

– Знаешь, ты изменилась... – Вдруг прозвучало от стола, и Марта вскинула голову. Оказывается, Дилан уже какое-то время рассматривал ее своим знаменитым неподвижным взглядом под которым она всякий раз внутренне скрючи-

валась и замерзала.

– Да?

Прозвучало равнодушно, незаинтересованно.

– Да, стала еще злее, что ли...

– Надо же.

Она легко пожала плечами и вновь принялась подтачивать ногти – чуть резче, чем раньше.

– Ты вообще слушаешь, что они там говорят?

Бранниган качнул головой, указывая на экран.

– Конечно. Вот тот – лысый – полторы минуты назад со-
врал о том, что примет менеджера.

– Полторы минуты назад?! – Дилан побагровел. – А раньше
нельзя было сказать?!

– Ты отвлекал меня вопросами.

Наверное, ему хотелось встать, подойти, сжать ее шею и резко тряхнуть ее за голову, чтобы безалаберное отношение к работе вылетело наружу, но вместо этого Дилан наклонился к микрофону и зло произнес:

– Они не возьмут вашего менеджера! Требуйте с них письменное заверение, заверяйте у адвоката.

Усатый на экране вздрогнул и перевел удивленный взгляд на прилизанного мужчину с узкими глазами.

– Мистер Аткинс, мы бы хотели быть уверенными насчет назначения мистера Доусона менеджером вашей компании – вы согласны добавить этот пункт в договор?

Узкоглазый фальшиво улыбнулся и ответил «конечно».

Марта отвела взгляд от экрана.

– Врут, собаки. Они все время врут.

Дилан недовольно покачал головой и сложил руки на груди. А через минуту, как она и ожидала, закинул длинные ноги на стол и откинулся на спинку стула.

– Все в этой жизни врут, Марта. Ты тоже?

– Конечно.

Она даже не задумалась с ответом. Все врут – она знала, как никто другой. Врут себе, друзьям, соседям, снова себе.

– А насчет чего врешь ты?

– Насчет тебя. Что ты стоишь хоть единого светлого чувства.

– А я не стою?

– Думаю, нет.

– Так в каком случае ты врешь – когда говоришь «нет» или «да»?

– Сама пока не знаю.

Ей надоело подпиливать ногти – еще пять минут, и она спилит их до нуля. Остывший на столе чай, полумрак, экран с двадцатью застывшими над чтением договора головами, пристально смотрящий на нее Дилан – что ему нужно? Что он пытается увидеть?

Марта поняла, что вновь не в силах прочесть его мысли. Когда он правдив, когда обманывает? И разозлилась от собственного бессилия – не может быть, чтобы новые химикаты не развили способность до максимума!

– Слушай, Дилан... – спросила безмятежно, легко, почти играючи, – а я тебе нравлюсь?

И сжала пластиковую ручку пилки так, что та согнулась аркой.

– Конечно, нет, Клякса.

Голос ровный, взгляд устремлен на экран, короткий хвостик на противоположную стену.

Марта зажмурилась, изо всех попытась определить, прозвучала ли в последних словах правда, но так и не смогла.

Индикатор молчал.

Разжала веки, разжала пальцы и шумно выдохнула – в груди клокотала ярость.

Скрипнул под тяжелым весом стул.

– Не пытайся расколоть меня, рыжая – у тебя не выйдет. Лучше следи за экраном – тебе платят именно за это.

Прозвучало холодно.

Прозвучало до обидного правдиво.

По домам они разошлись через еще один долгий час, проведенный в полном молчании. На экране больше никто не врал – видимо, почувствовали, что бесполезно. Дилан ушел, не попрощавшись, а Марта не стала просить подвезти ее до дома – побрела пешком до остановки.

Почему она не купит машину?

Почему не перестанет думать о нем?

Почему вообще не заживет новой жизнью?

Потому что были другие времена, когда Дилан ей улыбался. Тогда она таяла от счастья, летала на крыльях, пела и кружилась в восхищении миром, а потом... слишком много ему показала. Слишком напористо и резко; и Дилан схлопнулся. Закрылся, принялся рычать, стал постоянно отталкивать.

Нет, он ничего ей не обещал даже тогда, но тогда хотя бы улыбался. Как много она отдала бы за одну улыбку сейчас. Как много...

Мимо, обдав облаком газа, проехал желтый полупустой автобус. Марта ускорила шаг. Наверное, в следующий раз она не наденет леггинсы.

* * *

Вечером она вновь смотрела на кольца.

Почему одним достается все, а другим ничего? Неужели это так много – получить взаимность от того, кому отдал сердце? Почему в мечтах лепестки, а в реальности одни шипы?

Не надо многого... Не надо обещаний, не нужно признаний, не нужно жить вместе... Но хоть одну теплую улыбку – это она может попросить? Один взгляд без яда, одно слово без желчи, одну улыбку просто так, не за что-то – настоящую, искреннюю. Хоть один день без брони и без страха, без попыток защититься, без заранее приготовленной к боли от того, что ударят?

А кольца? Что кольца...

Они не при чем. Это просто кольца – просто символ любви, которой никогда не будет. Просто красивая картинка о том, что однажды то, самое тонкое, ей наденет на палец любимый. Назовет своей. Посмотрит с нежностью.

Никогда этого не будет.

Некоторые мечты не сбываются, а некоторые женщины не умнеют и все никак не могут прозреть.

Стыдно. И грустно.

* * *

На следующий день она пригласила его в кафе – Дилан отказался. Позже тем же вечером увидела его смеющимся в коридоре с незнакомой красоткой и разозлилась – не помогла никакая броня. Долго страдала ночью под одеялом. Еще через день они поругались так, что Бранниган едва не оттаскал ее за волосы – она назвала его «тупым самовлюбленным недоумком»; после этого Марта пошла в бар и напилась пива, беспричинно накричала на бармена и пнула на улице банку – попала ей в лоб сидящему у стены бродяге и долго извинялась. Оставила на грязном, лежащем на тротуаре, одеяле двадцать долларов. Всю дорогу пьяно цедила ругательства сквозь зубы.

А еще через день Дилан пришел сам.

Домой – к ней домой.

И Марта, позабыв о том, что, наверное, выглядит некрасиво, распахнула рот и застыла в безмолвии.

Чтобы войти, гостю пришлось просто оттеснить хозяйку к стене.

– Чем обязана? Чай, кофе?

– Коньяка у тебя нет?

– Нет.

– Ах, да – такая цаца, наверное, и не пьет вовсе.

Марта стояла посреди гостиной и тихо свирепела, ощущая собственную растерянность – она оказалась неготовой, полностью неготовой к его визиту. В хлопковых оранжевых штанах, длинной майке, тапочках (тапочках!), в которых, наверное, казалась клоуном. Без макияжа, растрепанная и, конечно же, без привычной брони.

Скорее... Скорее! Латные наручи, кольчуга, шлем, опустить забрало, железные подштанники и заслонка на сердце.

Уф... Почти все.

Неопрятный внешний вид мешал почувствовать себя во всеоружии – ну почему она не ходит дома на каблуках, с уложенными волосами и дымящейся сигаретой, воткнутой в длинный мундштук? Почему не умеет сохранять на лице выражения безразличия и презрительно-равнодушно выгибать одну бровь, вопрошая: «как ты посмел отнять драгоценную минуту моего времени, вломившись без приглашения?»

Нет, пока именно Дилан ощущал себя хозяином гостиной

– прохаживался вперед назад, разглядывал стоящие на полке предметы, наклонялся, читая корешки книг, скользил незаинтересованным взглядом по старой модели телевизора, лежащей сверху кружевной салфетке и смятой, из-за постоянного сидения калачиком, накидки кресла.

– Так приготовить тебе чай или кофе? Не буду спрашивать в третий раз. – Спросила она грубее, чем намеревалась.

– Ты всегда такая гримза? Даже дома не можешь расслабиться?

Расслабиться? Да как смел этот мужик вломиться в ее покой, в ее крепость, в единственное недоступное для его язвительных шуток место и упрекать в отсутствии спокойствия? И как смеет вести себя, как король, пред чьим взором кланяется убогая рабыня, не способная шагу ступить без того, чтобы не опозориться?

– Это ты у меня дома, а не я у тебя. Оставь свои шутки за бортом – надоели.

Здоровяк, занявший собой половину пространства ее тесной квартирki, лишь усмехнулся. Но зубоскалить не стал – видимо, пришел, чтобы о чем-то просить. Иначе, зачем бы ему вообще приходиться?

Но о чем?

В какой-то момент равнодушный взгляд Дилана сменился крайне заинтересованным, даже удивленным – усмешка сползла, видоизменилась, рот приоткрылся, и Марта, проследив, куда смотрит посетитель, сначала уперлась глазами

в кофейный столик, а после... После в стоящую на нем открытую коробочку с двумя кольцами внутри.

Создатель! Она забыла их убрать! Забыла!!!

Как такое возможно?!

Сердце затрепыхалось напуганной, попавшей в сачок, бабочкой, изо рта едва не вырвался стон – только не это!

Почему она забыла? Почему он увидел? Не кидаться же теперь, как в дешевом фильме, не прижимать к груди драгоценный предмет? Не пытаться же его прятать у всех на виду, когда уже поздно...

Бранниган даже не пытался скрыть столь непривычное для него удивление – просто стоял и пялился, пялился на кольца – больше ни на телевизор, ни на картины, потертый ковер или корешки книг – на кольца! Сволочь!

Марте хотелось визжать.

– Это же... парные кольца? Мужское и женское. Такими объединяют партнеров. Марта, ты что – нашла партнера? Ты?!

Нашла? Выдумала? Поддалась импульсу и придумала несуществующую любовь? Как теперь объяснить? Снова мямлить, оправдываться, выглядеть душой, истеричной, заикающейся неврастеничкой?

Когда ее оторопь достигла предела, внутри будто вырос второй скелет, сковавший все движения – если она попытается открыть рот, то замычит, нет, скорее, взревет, как раненый в причиндалы бык.

«Убирайся! Убирайся отсюда сволочь! Ненавижу! Почему ты все время лезешь, куда тебя не просят? Зачем ты вообще приперся? Ты же меня не любишь! Я трачу на тебя все свои мысли, все свое время, а ты только гадости говоришь!»

Спокойно. Глубокий вдох, глубокий выдох.

Она не заорет, не выставит себя идиоткой, и она не будет оправдываться. На смену панике вдруг пришла ледяная злость – настолько сильная, что слова полились сами – ровно, насмешливо и крайне холодно.

– Нашла, представляешь? Замечательный мужчина – красавец. Вот, купила – хочу обрадовать.

Казалось, вечер, обещающий сюрпризы только для Марты, решил повернуть свой взор к Дилану и принялся удивлять его.

– Купила? Сама? Ты же женщина!

Да, точно, «женщина». Прозвучало именно так, как она и предполагала – не просто неодобрительно, а с отвращением. Ну и что, что женщина? Лишена всех прав?

– Красивые, правда?

Она вдруг ожила – почувствовала себя так, будто ее подменили изнутри, будто наружу вышла другая Марта – ледяная, – а старую Марту, способную все испортить неврастеничку, заперли где-то внутри. Поплыла к столу – теперь грациозным движениям не мешали даже пушистые тапки, – взяла коробочку в руки и поднесла к его глазам.

– Как думаешь, ему понравятся? И камешек есть, и рису-

нок отличный.

– Понравятся? – Дилан выглядел так, будто только что съел миску червей – благо, хоть его баритон не сорвался на фальцет. – Как такое может понравиться, когда тебя пытается захомутать баба? Камешек? Да он такой крохотный, что его не видно, а рисунок... какая безвкусица! Оно слишком тонкое для мужского пальца... Марта, ты... ты вообще рехнулась?

– А ты кто такой, чтобы судить – рехнулась я или нет? Ты ведь не умеешь любить, не так ли? А я умею, и мы будем счастливы вместе. Представляешь, чьи-то глаза могут сиять при виде меня, а уж такой подарок МОЙ мужчина оценит наверняка.

«Не то, что ты, сволочь»

На этот раз Дилан промолчал – какое-то время стоял с багровым лицом, пытался привести в порядок явно вышедшие из-под контроля мысли и не дать сорваться с языка новым язвительным комментариям. Значит, точно пришел о чем-то просить. Не дожидаясь дальнейшей реакции, Марта спокойно захлопнула крышечку, водрузила коробочку на полку, повернула и сложила руки на груди. Кажется, ей, все-таки, удалось приподнять одну бровь.

– Так кофе? В третий раз спрашиваю тебя, как отсталого инвалида. Кофе будешь?

– Буду.

Дилан смущенно прочистил горло и попытался вернуть

себе привычный безразличный вид – вид человека «меня ни что на этом свете не интересует, тем более ты», но не смог – шок от увиденных колец, стоящих на ее столе, так и не прошел.

Марте вдруг стало наплевать; в этот момент она будто прозрела – просто и без эмоций – это не ее человек, не ее мужчина, вообще не герой ее романа, поэтому она коротко кивнула на диван и бросила:

– Садись на диван. Нечего шататься по гостиной. Сейчас сварю.

– Значит, хочешь позаимствовать меня на целый вечер в качестве девочки-эскорта.

– Не девочки-эскорта. – Ты для этого слишком некрасива, следовало бы ему добавить, но теперь ей стала ясна причина его непривычной сдержанности – сделка. Сделка с Мартой, которая никоим образом не должна провалиться. – Ты просто побудешь рядом – послушаешь, запомнишь. Мне надо знать, кто из моих будущих партнеров способен меня предать. Всего лишь несколько часов. Хороший дом, вечеринка, много богатых людей и отличной еды. Отдохнешь, расслабишься.

Дилан потел.

Кирпичного цвета кофейная чашка в его руках казалось крохотной, в то время как в ладонях Марты всегда смотрелась ведром.

Значит, сделка. Хочет выстроить собственный бизнес – созрел, наконец, но не хочет просчитаться с будущими коллегами. Понятно.

Ей стало противно – сколько дней потрачено впустую, сколько усилий... И все ради человека, посмотревшего на будущий ценный подарок с презрением. Что ж... Однажды этот подарок найдет достойного получателя, который никогда не скажет: «Камешек слишком маленький, а кольцо слишком тонкое». Тот, другой получатель, очень обрадуется и обязательно решит, что женщина, сделавшая шаг навстречу – лучшая женщина в мире. Возьмет ее ладони в свои, заглянет в глаза и поцелует кончики пальцев.

А, может, принесет подобные кольца сам, еще до того, как она...

– А почему бы тебе не взять с собой кого-то другого? Лейлу, например? Или Ани? Их ты не так недолюбливаешь, как меня.

Теперь ей даже нравилось наблюдать за тем, как он корчится, пойманный на крючок. Извивается, выдумывает объяснения, старается ничего не изгадить словами. Забавно. Да, было бы забавно, если бы не было так противно.

– У Лейлы индекс 86, у Ани и того меньше. Только ты способна определить ложь с вероятностью в сто процентов.

– Девяносто девять и восемь десятых. – Равнодушно поправила она, глядя на палас.

– Не важно. У тебя выше всех. А я не могу рисковать.

– Конечно, не можешь.

Впервые в жизни Марта чувствовала эмоции Дилана, как свои собственные: нервозность, неуверенность, вечно наде-тые поверх одежды из ткани невидимые, напоминающие ее собственные, железные латы. Значит, они ему тоже нужны – какая ирония.

Все это время она полагала, что существует лишь один че-ловек на свете, входящий в эти чертовы две десятые процен-та, которого она не может расколоть, а теперь, оказывается, может – дело было лишь в эмоциях. Шоры на глазах, соткан-ная иллюзия – слишком долго и слишком отчаянно она же-лала видеть то, что хотела, и потому не видела правды.

Что ж, теперь видит.

– И чем же ты готов заплатить мне за эти несколько часов помощи? Ты ведь понимаешь, что деньги мне не нужны?

Бранниган сглотнул; хвостик на макушке смотрел на кар-тину со штормовыми волнами и будто говорил: «вы там сами разбирайтесь, а меня здесь нет»

– Ну... Ты сама мне скажешь, чем, так? Все что попро-сишь, я для тебя сделаю.

Напряжение в маленькой комнатке достигло апогея.

Скованный, почти оцепеневший, в ожидании решения мужчина и холодная змея, глядящая на него немигающими зрачками. Рыжая змея – маленькая хрупкая женщина в про-шлом.

Так чего этот мужчина – такой нужный в прошлом и со-

вершенно безразличный ей теперь – не хочет больше всего на свете? Что пугает его так, как ни одна другая вещь? Что может заставить Дилана взвыть от отчаяния?

Спустя минуту Марта улыбнулась одними губами. Не накрашенными губами; пошевелила босыми пальцами в разношенных тапках.

– Мои условия таковы: ты одеваешь меня для этой вечеринки – я не собираюсь тратить на наряды, оплачиваешь стилиста и визажиста, присылаешь машину...

– Конечно, согласен. Это спра...

Справедливо, он хотел договорить, но не успел, потому что Марта продолжила.

– ...а после того, как вечеринка завершится, ты отвезешь меня в самый дорогой отель и займешься со мной сексом.

Она намеренно не сказала «любовью» – сексом. Такое ударит еще больше.

– Займешься так нежно, будто всю жизнь любил и желал только меня. Ясно?

Он покрылся не только испариной, но и пятнами. Кое-как отставил в сторону чашку – медленно, чтобы не разлить. Долго смотрел на нее взглядом приговоренного к казни узника, а в глазах замер упрек: «Да мне же никакие таблетки не помогут, чтобы встал...»

Марта смотрела ровно. Смотрела и улыбалась.

Этой ночью она долго лежала в постели без сна.

Убрала коробочку с кольцами в шкаф – на дальнюю полку, к самой стене, – чтобы больше не доставать, лежала и думала о том, что невидимую броню она тоже больше не доставнет. Не нужна. Сложит, как и кольца, к самой стене, задвинет в угол и забудет. Научится жить без страха, не ожидая ударов в спину, научится с радостью смотреть в лицо будущему. В мире много хороших людей, и среди них обязательно найдется один, кому понравится бледная кожа, карие глаза и кудряшки. А ожог... Каждый имеет свои особенности, ведь так?

Слушая доносящийся сквозь закрытые окна шум улицы, Марта думала о том, что каждому в этой жизни дается плохое и хорошее. Плохое – она частично пережила, а хорошее? Его еще предстоит отыскать.

Но главное уже свершилось – она вдруг почувствовала себя свободной. От сомнений, иллюзий, от прежней самой себя. Иногда будущее не нужно пытаться предугадать – для него нужно просто отворить двери и пригласить войти.

Завтра она так и сделает – примет душ, накрасится, сделает прическу, оденется и пригласит его войти. А в порядок себя приведет для того, чтобы видя красивую женщину, и будущее вошло красивое.

Этой ночью Дилан тоже не спал.

Сидя перед выключенным телевизором в тишине, он пил – не кофе, виски. Как получилось, что именно Марта – эта

примитивная нервная дамочка – взяла над ним верх?

Отказаться? Да, конечно, он мог бы просто отказаться, но тогда под удар встанет все, к чему он шел последние два года – собственное дело.

Нет, он сможет. Сможет переспать с тем, кого не хочет – это всего лишь секс – всего лишь вставший член, погруженный в чье-то тело. Работы максимум на час, не больше.

Кубики льда таяли в стакане; виски из крепкого превращался в разведенный.

Работа? Да, она иногда выводила из себя. Жизнь одиночки? Почти никогда. Денег хватало, женского внимания тоже – встречались, конечно, дуры, но редко. И уж точно никогда Дилан не считал обузой секс – ведь это лишь игра, флирт, физическое удовольствие двоих – никакой эмоциональной нагрузки.

А теперь он чувствовал себя самой настоящей проституткой, которой предстояло переспать с жирным волосатым мужчиной, который вставит тебе в зад.

Как можно наслаждаться сексом с женщиной, которая не способна расслабиться? Которая ходит прямо, как палка, смотрит волком, вечно поджимает губы и вздрагивает при звуках его голоса? Которая вечно ищет одобрения в его взгляде, а если не находит, то взвывает в воздух ракетой – противной, свистящей ракетой, что разбрызгивает вокруг сотни вонючих искр.

– Мда, попал ты, Дилан. Вот незадача...

Через пять минут мужчина со стаканом в руке задремал прямо в кресле.

Глава 3

– С нашей стороны уже почти все готово – документы передадим тебе завтра, убедишься, что наш юрист не напихал в них ловушек. Хотя читать там много!

Стоящий напротив них мужчина в сером костюме расхохотался – его голова запрокинулась назад, стало видно подгнившие изнутри зубы.

Марта надавила кончиками пальцев на мужской локоть дважды – врет, ловушки есть и много; ее руку накрыли теплые пальцы – мол, понял тебя.

– Если найду ловушки, подписи ты не получишь, Юджин. Надеюсь, это понятно. Смотри, у тебя есть еще часов восемь, чтобы это исправить.

Тот перестал смеяться; сузил глаза, вытер тыльной стороной ладони тонкие усы – будто подправил линию, – и чуть сильнее сдвинул пальцами стакан.

– Ты ведь не думаешь, что я уйду с такой вечеринки, чтобы сидеть над документами? Я же сказал – почти все готово. Нехорошо начинать бизнес с подозрений, Бранниган.

– Как плохо начинать и с уловок, ведь так?

Пока мужчины сверлили друг друга взглядами, Марта принюхивалась – откуда-то изумительно пахло сладким. Она принялась оглядываться.

Столы здесь тянулись по всему периметру просторной лу-

жайки до самого бассейна, но многочисленные гости постоянно перекрывали обзор – она даже вытянула голову, чтобы увидеть больше. Ну, отойди же, мужик в бабочке, убери свой торс. У-у-у, а теперь эта тетка в черно-белом, похожим на цирковой наряд, платье. Принесли что-то жареное и сахарное? Куда это поставили?

– Марта?

Она не отреагировала на звуки собственного имени, потому что ее редко им называли. Куда чаще «Кляксой».

– Марта? – Повторил Дилан громче – пришлось нехотя прервать процесс изучения расставленных на столах закусок.

– Юджин просит представить тебя. Юджин – это Марта Карлайл, Марта – это Юджин Донинг – мой будущий бизнес партнер.

– Очень приятно, очень приятно, мисс Карлайл. Не ожидал встретить с этим прохвостом такую прелестницу!

Ее ладонь потрепали сухие прохладные пальцы – пришлось стерпеть и не поморщиться.

– Буду рад вашему присутствию в моем доме в любое время.

– Спасибо. – Совершенно безразлично ответила Марта. – Скажите, а чем это так замечательно пахнет?

Оба спутника уставились на нее с удивлением.

– Слушай, ты только и делаешь, что жрешь и пьешь!

– Да? – Марта с наслаждением жевала жареное ананасовое колечко, слизывала с пальцев белую пыль сахарной пудры и запивала все это шампанским. – Очень вкусно, знаешь ли. Ты сам говорил – наслаждайся и отдыхай. Вот я и отдыхаю.

– Не думал я, что ты будешь напиваться.

– А, ты про это? – Она легко качнула зажатым в руке бокалом. – Тесты показали, что алкоголь не влияет на мои способности. Я точно так же могу определять, кто враль, а кто...

– Тс-с-с-с! Ты бы еще на всю лужайку проорала про свои способности. Дура! Я не за тем тебя привел, чтобы ты поидиотски раскрыла себя.

– Слушай, – карие глаза невинно посмотрели в зеленоватые. – Ты всегда такой напряженный? Вообще не умеешь расслабляться?

Недовольный рык Дилан сдержал, но челюсти сжал так, что скрипнули зубы.

Ей все нравилось – абсолютно все.

Идеально сидящее по фигуре зеленое платье, юбка которого струилась до земли и расшитый бусинами лиф, приподнимающий грудь. Нравилась прическа из идеальных колечек и новые, скрученные из камней и перьев, серьги. Нравилась замшевые туфли на высокой шпильке, запахи, звуки, незнакомые лица. Этот дом, лужайка, сверкающая вода в бассейне, величественный фронтон с колоннадой, струнный оркестр. Как приятно, оказывается, ловить на себе заинте-

ресованные взгляды: изучающие, любопытные, иногда даже восхищенные. Нравилось, когда рассыпавшиеся по плечам мягкие пряди ласкал вечерний ветер; нравился запах подстриженной травы и расставленных по вазонам цветов.

Напитки, закуски, улыбки – пожалуй, работать в подобных условиях она согласилась бы гораздо чаще.

А, может, купить себе новый дом? И новый гардероб? Заказать бассейн, нанять повара, узнать новых людей и приглашать к себе на подобные вечеринки? Только не снобов и жлобов, какие здесь встречались в изобилии, а хороших людей, теплых?

– Знаешь, чего я вчера так и не смог понять? – Перебил ее мысли Дилан после того, как завершился очередной диалог с одним из будущих партнеров.

– М-м-м?

Ей было наплевать. На Дилана, на его мысли, на его чувства; пришедшее вчера ночью спокойствие вдруг осталось с ней, как будто всегда жило внутри. Ведь жизнь есть бал, а она его королева – почему вообще когда-то было иначе? Зачем столько времени было жить во лжи?

– Как женщина, которая купила кольца будущему избраннику, могла выставить такие условия? Как можно лечь под одного, зная, что тебя ждет другой?

– Ну, я же их еще не подарила. Я все еще свободна.

Ее улыбка вышла такой же легкой, как ветер. Это Бранниган все воспринимал серьезно – анализировал, силился по-

нять, утопал в сомнениях, а она нет. Она с самого начала знала, что не станет с ним спать – зачем? Предложи он это сам еще несколько дней назад, она, возможно, была бы счастлива, но теперь? Теперь нет.

Где-то рядом мирно журчал фонтан; вечеринка близилась к концу.

– Ты же, получается, проститутка. Бл№!%, если быть честным.

Марта рассматривала лицо бывшего возлюбленного долго и ровно – так рассматривают диковинных насекомых, удивляясь наличию восьми усиков и чересчур выпуклым глазам.

– Хм. – Пожала плечами, вновь ощутив, как приятно льнет к коже дорогое платье. – Я, может, и бл№!%, но проститутка здесь точно ты.

Усмехнулась. Позволила ладони соскользнуть с мужского локтя и направилась прочь – туда, где в этот момент, у дальнего стола, под навесом, струнный оркестр наигрывал чудесную мелодию.

– Пожалуйста, спасите! Помогите мне, милая дама, я вас очень прошу!

Чья-то рука мягко ухватила Марту за запястье, когда та шла по направлению к туалету – небольшому бетонному зданию, уединенно стоящему за домом, в кустах. Можно было пойти внутрь, в особняк, но там по коридорам сновали толпы, а в предназначенном для дам отхожем месте, отделан-

ном мрамором и огромными зеркалами, без перерыва на еду и питье зависали, подкрашивая губы, десятки девиц – болтали, хохотали, делились сплетнями, постоянно кого-то обсуждали и охаивали. Ни тебе нормально пописать, ни...

В общем, Марта выбрала домик.

– Что вы де...

Делаете? Хотела спросить она, но ладонь незнакомца уже прижала ее лицо к темно-синему лацкану пиджака и галстуку, на котором поблескивал тонкий кирпичик продолговатой дорогой броши; в ноздри тут же проник многогранный аромат незнакомой туалетной воды.

– Пожалуйста, милая, просто сделайте вид, что вы со мной. Поднимите лицо, обнимите, смейтесь...

– Смейтесь?

От подобного предложения Марта перестала дышать, а запрокинув голову, уперлась взглядом в чисто выбритый подбородок, который уткнулся ей в переносицу.

– Зачем я буду вас обнимать? Вы... сумасшедший... Я...

– Да я не сумасшедший. И я прекрасно понимаю, куда вы шли – потерпите. Просто ко мне сейчас направляется группа из четырех мужчин, которые очень хотят получить работу в моей компании, а я уже устал от диалогов. Пожалуйста, подыграйте мне – пусть они думают, что я занят обществом прекрасной дамы. Тогда они уйдут.

– Что... что я должна делать?

– Посмотрите на меня, улыбнитесь.

Марта запрокинула голову сильнее и, наконец, встрети-
лась глазами с незнакомцем.

Ух, ты... красивый! Вот незадача. Действительно краси-
вый... Неброская, но властная внешность: волевое лицо, ум-
ные серо-голубые глаза с прищуром и хитрый озорной блеск
на самом их дне, широкие брови, идеально ровный аристо-
кратичный нос. Великолепные губы.

Ей вдруг стало беспричинно смешно.

– Они же решат, что вы остолоп!

– Это еще почему?

«Синий пиджак», тем временем, ловко закинул ее ладони
себе на плечи, а сам нежно приобнял за спину.

– Потому что подумают, что вы увлеклись рыжей девицей!

– А это противозаконно?

– Многие считают, что это безвкусно.

– Какие идиоты. – Теплые пальцы нежно поглаживали ко-
жу в вырезе платья, и Марта с удивлением обнаружила, что
тихо плавится от них. Какой странный вечер – шампанское,
чужой дом, абсурдный случай, приведший ее сюда. А теперь
и еще более абсурдная ситуация с подыгрыванием. Но, поче-
му нет? Жизнь ведь только начинается? Так пусть она кру-
жится, пусть вкусно пахнет, пусть искрится рассыпанными в
воздухе конфетти. – Вы не рыжая, вы огненная и совершен-
но очаровательная – я наблюдал за вами целый вечер.

– Да?.. – Она вдруг почувствовала себя маленькой и со-
вершенно растерянной. – За мной? Почему за мной?

– Потому что вы совершенно очаровательная!

– Правда?

– Правда.

Он не врал – этот тип в синем пиджаке не врал. Успевшая опустить голову Марта вновь подняла ее – на этот раз, как оказалось, для того, чтобы на затылок тут же легла ладонь и слегка надавила на него.

– Не смейте...

Слишком поздно – поцелуй случился так неожиданно, что она перестала дышать. Создатель! Что она делает! Чужие губы прижались к ее, но не нагло и напористо, что могло бы спровоцировать мгновенный отказ, а мягко – так жмутся к воротам, куда очень хотят, но не смеют без приглашения войти. Легкий нажим – можно? Мягкое скольжение – спасибо, что приоткрыли. Покусывание верхней губы – а если так? Целомудренный поцелуй в самый уголок рта. А если добавить язычок? Совсем чуть-чуть?..

– Тс-с-с, парни... Мистер Легран занят! Не будем мешать...

– Да, – хохотнул кто-то шепотом, – точно не время!

Мужская компания, приблизившись, моментально повернула назад – почему-то никто не хотел отрывать мистера Леграна от поцелуя с женщиной. С женщиной, у которой в этот момент сердце билось так быстро, что вскоре грозило и во все сдаться, как выдохшийся на длинной дистанции бегун.

Как жарко, как нежно, как неторопливо и сладко. Боже,

как вкусно некоторые мужчины, оказывается, умеют целоваться; у Марты кружилась голова.

– Перестаньте! Вы... вы уже вскружили мне голову! А я ведь пьяна... Что будет, если я случайно влюблюсь?

– М-м-м... я готов за это отвечать.

– Я же пришла сюда с другим мужчиной. – Просто проверка. Просто проверка.

– Мне позвонить киллеру сейчас или заказать его вечером? – Промурчал мистер серо-голубые глаза, прежде чем снова коснулся ее губ.

– А что, сами не можете?

Она хихикнула, как заправская бандитка при виде бывшего в шайку слабака.

– Хотите, чтобы я сам? Я готов. Я, между прочим, до ужасного хорошо дерусь.

Диалог выходил до крайности абсурдным – таким же, как и вечер; Марта едва удерживалась, чтобы не расхохотаться прямо в процессе.

– Как же вы здорово это делаете...

– М-м-м...

– Целуетесь.

Она боялась, что услышит в ответ что-нибудь похабное, например: «А я еще много чего умею. Желаете посмотреть?», и тогда единственное, чего бы она пожелала, это сразу же уйти, но мистер Легран удивил тем, что слегка отстранился, мягко улыбнулся и слегка посерьезнел:

– Вообще-то, я должен извиниться, что я не с того начал наше знакомство.

– Боже, только не продолжайте... – Марте почему-то совсем не хотелось переходить к глубоким диалогам на тему нравственности. Она много выпила, наконец, расслабилась – впервые за последние десять лет, и теперь хотела лишь той же легкости, что сопровождала ее на протяжении последних суток. Завтра, может быть, все будет не так, уже не так, но сегодня... – не становитесь занудой. Еще полминуты поцелуев, и я от вас случайно отстану.

Смешок ей прямо в губы:

– А что, если случайно не отстану я?

– Все врут, когда для этого приходит подходящий момент. Не уподобляйтесь. Просто дайте нам еще полминуты.

Этот парфюм, этот взгляд, эти жаркие губы и ласкающие затылок пальцы. А какая твердая и мощная у него под пиджаком грудь... М-м-м...

– Телефон... – Раздался хриплый шепот.

– Что? – Марте казалось, что вместо прически на ее голове теперь образовалось гнездо. – У вас звонит телефон?

– Ваш телефон. Дайте мне его.

– Вы что, сами не отыщите номер?

– Не усложняйте мне задачу, женщина.

Теперь она смеялась так заливисто, что Дилан, в этот самый момент неожиданно и не вовремя вывернувшийся из-за угла, замер, будто его из ведра окатили жидким азотом.

– Восемь-восемь-три. Девять-два-пять. Ноль один – двадцать один. И не вздумайте мне звонить!

– Не вздумайте мне указывать.

– Какой вы вредный!

В этот момент ей захотелось сорвать с него одежду – какой наглец, какой нахал и какой красавец. Ням! Внутри все кипело от разоженной страсти.

– Марта?

Дилан, все же, сумел приблизиться, и теперь смотрел на нее не как на проститутку, и даже не как на б№%!ь, а как на человека, сумевшего разом нарушить все законы физического взаимодействия со Вселенной.

– Ты идешь домой?

– Конечно. Но не с тобой, и не к тебе. Очень хочется спать, прости.

Она икнула так естественно, словно пьяно икать на людях считалось верхом приличия, после чего чинно проплыла мимо коллеги по работе, шатаясь на высоких шпильках.

– Пока, Дилан! Пока, Легран!

Кожу спины в вырезе платья жег взгляд серо-голубых глаз.

Эпилог

Выброшенную в мусорную корзину темно-синюю бархатную коробочку Дилан обнаружил только после обеда – он как раз собирался покинуть собственный офис, чтобы взглянуть, заработал ли на втором этаже кофейный автомат. Подошел к урне, собрался бросить в нее стопку исписанной бумаги, наткнулся взглядом на «что-то» перевязанное лентами и замер.

Присел, отложил бумаги на пол рядом с собой и, ведомый любопытством, протянул руку к лежащей, поверх скомканной шоколадной обертки и прозрачной ленты от сигаретной пачки, коробочке. Достал.

Точно. Та самая.

Та самая, что он видел в доме у Марты – на ее кофейном столике.

Кольца все еще лежали внутри, а в крышке, утрамбованная в шелк, нашлась записка:

«Они предназначались тебе. Рада, что не понравились. Марта»

И смайлик. Чертов издевающийся длинной, от уха до уха, улыбкой смайлик.

Бранниган сжал зубы и достал из кармана телефонную

трубку.

– Соедините меня с офисом мисс Карлайл. Срочно!

Невозмутимый голос секретарши произнес:

– Мисс Карлайл нет на месте.

– Пусть зайдет ко мне сразу, как появится.

– Это произойдет только через месяц, мистер Бранниган

– Марта сегодня написала заявление о том, что берет отпуск.

– Какой отпуск!? Какой у нее может быть отпуск? – Лицо Дилана покрылось бордовыми пятнами; меж бровей залегла глубокая морщина. – У нас же проект завтра? Компания «Один плюс один»?

– Ее заявление было сегодня подписано директором. К вам в напарники пришлют Ани Маркес.

– Маркес?!

– Да, Ани Маркес.

– Она же дура!

– Ничем не могу помочь, сэр. – Они что, сговорились? Все эти чертовы бабы – сговорились вывести его из себя? – Но произнесенное вами оскорбление сотрудника записано на пленку, я обязана передать его директору.

– А-а-а-а-гхrrrrrrr.....

Он и сам не понял, что хотел этим сказать, но в порыве злости так сжал трубку мобильного, что лопнул экран.

– Суки!

Под солнечным светом, льющимся из окна, весело подмигивал вделанный в ободок тонкого кольца бриллиант.

Хороший выдался день.

Марта шагала по проспекту и радовалась жизни: сегодня она зашла в агентство по недвижимости и вынесла оттуда толстенный каталог с яркими картинками, планировками и схемами домов. Новых домов, один из которых скоро станет ее.

Невероятно!

Одноэтажный? Двухэтажный? А, может, сразу виллу? И впереди целый месяц, чтобы обставить его новой мебелью, закупить посуду, пройтись по картинным галереям, отыскать ковры. Новое, все новое. Новая Марта – новая жизнь.

Сновали по тротуару спортсмены на роликах, бизнесмены с кейсами в руках, ухоженные женщины, несущие кучу пакетов – закоренелые «шопогольницы» Марта сама выдумала это слово и теперь хихикала, смакуя его в голове. Да, «шопогольницы». Скоро и она временно станет такой – ведь нужно же иногда тратить зарплату?

Пахло выпечкой; на углу, стоя за стеклянным вагончиком, стоял продавец булочек и круассанов. Она как раз хотела купить один, когда зазвонил мобильный.

Номер незнакомый; мимо, мягко тронувшись на зеленый сигнал светофора, потянулся поток машин.

– Аллю?

В трубке лишь чье-то дыхание.

– Алло, говорите?

– Мисс Карлайл?

Судорожный выдох; рука непроизвольно сжалась на ручке пакета; круассаны были забыты.

– Легран?

– Вообще-то, меня зовут Адам. А красивая у вас фамилия, знаете ли...

– У вас тоже красивая.

Этот голос она меньше и больше всего ожидала услышать в телефонной трубке. Хотела, мечтала, часто думала о нем, но не позволяла себе забыться – это новая жизнь, и пусть будет, что будет. Если позвонит, она обрадуется, а если нет, просто будет жить дальше.

Позвонил.

– Хотите, я ей с вами поделюсь?

– Что? – Она даже поперхнулась; одновременно с этим ее случайно толкнул зачитавшийся журнал мужчина – извинился, учтиво приподнял шляпу, прошел дальше. – Чем поделитесь? Фамилией? Нет, спасибо, не сегодня – сегодня я выбираю дом.

У них опять получался абсурдный диалог.

– Хм, как замечательно! Как насчет того, чтобы выбирать его в ресторане? Пока вы будете рассматривать изображения, я буду кормить вас с ложечки.

– Издеваетесь? – Ей хотелось смеяться и плакать одновре-

менно. – Вы все время надо мной издеваетесь?

– Я бы сказал, что до этого момента я издевался исключительно над собой, выполняя вашу просьбу не звонить. Я продержался почти сутки.

– Семнадцать часов.

Теперь она смеялась; из-под седых бровей одобрительно поглядывал продавец круассанов. Наверное, ему нравилась ее улыбка.

– Так ресторан?

Этот голос удивительным образом умел плавить, зади- рать, провоцировать и успокаивать одновременно.

– Ресторан.

– Вы называете или я?

– Я.

– Я так и думал. Слушаю.

Он тоже улыбался – Марта чувствовала это. Она смотрела на залитый предзакатным светом город, сжимала в руках телефонную трубку и каждой клеточкой ощущала, что в этот самый момент (может, из-за той красной машины? Или из- за угла магазинчика декоративных свечей? Или, выглядывая из-за каждого прохожего?) на нее радужными глазами смотрит счастье.

Конец.

«Приключения Бернарды и Городских мальчиков в нашем мире»

Из цикла рассказов серии «Город»

Email: ladymelan@gmail.com

Глава 1 Подготовка к путешествию

Сумки из темной военной непромокаемой ткани выглядели внушительно – два забитых доверху баула с пузатыми боками. Халк Конрад – сенсор отряда специального назначения – вытащил их на крыльцо и развернулся, чтобы закрыть дверь.

Человек, что ждал его в машине, распахнул водительскую дверцу, нажал кнопку открытия багажника и поставил тяжелую подошву армейского ботинка на сухой асфальт. Вдохнул прогретый на солнце весенний воздух полной грудью и улыбнулся.

– Ты полдома в них упаковал?

– Четверть.

Мак Аллертон – высокий брюнет с внушительным разво-

ротом плеч, зачесанными назад волосами и смешинкой в зеленовато-карих глазах – улыбнулся и выбрался наружу, чтобы помочь забросить сумки в машину.

– А Шерин не едет?

– Нет.

Халк подтащил баулы к багажнику и присвистнул, глядя на утрамбованные шнурованные рюкзаки, приваленные друг к другу.

– Да ты и сам упаковал весь гардероб!

– Не весь. Только то, что требовалось. А почему Шерин не едет? Занята?

– Говорит, что иногда нам стоит отдыхать в сугубо мужской компании. – Конрад поднял одну из сумок, придвинул ее к рюкзаку и хитро блеснул светло-серыми глазами. – Телепортер, мол, не в счет – она переносит и выполняет роль гида, а в остальном мы предоставлены сами себе.

– Мудрая у тебя женщина. – Аллертон утрамбовал вторую сумку рядом с первой и захлопнул багажник. – Я слышал, Рен тоже будет один. Вчера он говорил, что Элли почти все время проводит в мастерской – готовится к выставке, не хочет нарушать график и спугивать вдохновение посещением непонятных мест.

Халк огляделся: особняк степенно грелся в лучах полуденного солнца, наслаждался теплыми лучами и сад, раскинувшийся вокруг; пока еще голые ветви едва заметно показывались от легкого ветерка. Скоро бутоны и почки нальют-

ся, выпустят наружу нежную зелень, протянут к небу ростки и листочки. Окна, отражая безоблачную гладь небосвода, подернулись синевой.

– Что тогда получается, едут семеро? Логана вчера припрягли срочно писать новую программу, ему на несколько суток работы.

– Да, я слышал, как он матерился.

– Я бы тоже матерился, могу его понять. Мы столько ждали, пока выдадутся эти несколько дней. Морена и Хантера тоже отправили к черту на кулички – куда-то на запрещенный Уровень, так что не видать им отпуска, как своих ушей. А Одриард уже две недели как нежится на островах вместе с Меган. Дрейк чего-то разомлел и дал ему поблажку. Одни мы весь месяц пахали без устали.

– Зато теперь...

– Да, теперь мы оторвемся.

– Ну, семь, так семь... Эльконто можно считать за троих – он то еще несчастье.

Чейзер хмыкнул и оперся на открытую дверцу; посмотрел, как переливается под солнцем лакированная поверхность крыши. Любимая машина, она как любимая женщина: всегда красива, всегда уникальна, всегда притягивает руки и взгляд.

Сенсор выудил из нагрудного кармана сигару, зажал ее между зубами и поднес к кончику пляшущее пламя.

– Хорошо, он тебя не слышит. Вот бы всю дорогу нудел...

Мак рассмеялся и сел внутрь.

Тело в форме, голова в гармонии, настроение замечательное. Все-таки отпуск – отличная вещь! Давно пора было.

– Поехали.

– Ага.

Конрад сел на пассажирское сиденье, захлопнул дверцу и пристегнул ремень безопасности. Чейзер завел двигатель. В приоткрытое окно, завиваясь спиральями, будто тоже предчувствуя скорые приключения, весело вытягивался сигарный дым.

* * *

Широкая, застекленная от пола до потолка гостиная городской резиденции Эльконто была похожа на вещевой склад: сумки разных форм и размеров загромождали углы, лежали на полу, мешали ходить. Поверх сумок были разбросаны теплые рукавицы, шарфы и меховые шапки, вперемешку с легкими футболками, шортами и пляжными сланцами. Футляры с солнцезащитными очками, майки, джинсы, рубашки – спецотряд по моей просьбе однозначно подготовился. Хорошо хоть не видно мотков веревки, кошек и сухих пайков, а то бы совсем как заправские походники...

Прокручивая в голове детали предстоящего наутро путешествия, я заглянула внутрь бумажного пакета, полученного в Лаборатории, достала набранную кем-то заботливым ин-

струкцию и принялась ее изучать.

Рен Декстер, одетый в легкую серую ветровку, о чем-то спорил по поводу бутылки виски, что держал в руке, с Баалом. Волосы последнего были завязаны в толстый хвост, а на шее, поверх черной майки, болтались бусы, похожие на четки.

Точно у всех уже праздничное настроение. Шорты с нарисованными зонтиками, какие-то цапки, торчащие из карманов рюкзаков. От чтения, которое и так едва удавалось посреди царившего гомона, меня отвлек смачный раскатистый бас.

– Да ты знаешь, сколько я за эти говнодавы отдал?!

Речь, очевидно, шла о здоровенных меховых унтах с узорной окантовкой, стоящих у кресла. Размера эдак шестидесятого.

Услышавший цену, Лагерфельд начал давиться от смеха.

– Тогда тебе, чтобы оправдать затраты, надо год по говну ходить. Хочешь, я тебе посреди гостиной кучу навалю, чтобы зря не простаивали?

– Я те навалю!

Теперь от смеха начала давиться и я. Действительно, где он только такие достал, в каком магазине сувенирных товаров?

– Эй! Ты тоже там ржешь? Сама ведь сказала, нужна теплая обувь, способная выдержать мороз. Я нашел лучшую!

Мы с медиком переглянулись и расхохотались в голос.

Ну и балаган! На кой черт я все это затеяла и что буду делать со здоровыми мужиками в количестве семи штук в собственном мире? Не успела я вдоволь посокрушаться по этому поводу, как внизу раздался дверной звонок. Приехала недостающая часть команды. Ох, сейчас начнется... Ну, держись Бернарда... сама затеяла.

Они заняли все диваны и кресла, находившиеся в гостиной. Бодрые, неуловимо веселые, расслабленные. Кто-то положил на сумки ноги, кто-то оперся на них локтем, кто-то кое-как втиснул между поклажей, занявшей весь пол, одетую в носок стопу.

Я оглядела собравшуюся компанию, подняла вверх бумажный пакет и заявила:

– Вот нам подарочки из Реактора. Сейчас объясню, что это такое и зачем. Итак, как я уже говорила, там, куда мы отправимся, существует множество различных языков, понять или изучить которые за короткое время не представляется возможным. Я знаю только два языка своего мира, остальные не понимаю совсем.

Аарон Канн, подперев щеку кулаком, взирал на меня с интересом; солнечный луч проложил дорожку по его колену и подлокотнику, распространившись и на штанину Мака, который сидел рядом. Халк сверлил серебристым взглядом мешок – не иначе пытался угадать, чем же нас порадовала Комиссия.

– Так как мы собираемся посещать разные места, нам придется общаться с местными жителями – не могу же я говорить, что вы глухонемые, так? – а общение требует понимания, которого нет ни у меня, ни у вас. Вот поэтому я сделала заказ в Лаборатории на портативные переводчики, которые мы возьмем с собой.

– Ух, ты! Давай, показывай! – Эльконто заерзал в кресле. Я взмахнула рукой.

– Их все по нашему возвращению надлежит сдать обратно в Лабораторию, так как эти устройства уникальны и содержат какие-то секретные нейротехнологии. Терять гаджеты строжайше запрещено. Всем ясно?

– Ясно-ясно...

– Открывай уже мешок, хоть посмотрим!

Я поочередно раздала аккуратные темно-красные браслеты, состоящие из звеньев, всем присутствующим и развернула инструкцию.

– Тут сказано: «Закрепить на запястье, позволить игле войти под кожу, зафиксировать положение браслета специальным гелем. Получаемый извне сигнал будет обрабатываться и поступать непосредственно в мозг, где с помощью встроенного модулятора будет формировать обратный ответ...»

– Ай, собака, больно!

Я еще не дочитала инструкцию, а кто-то уже нацепил – вот где детсад! Я фыркнула и грозно нахмурилась.

– Да погодите вы, дайте дочитать!

– А гель какой-то странный...

– А что это за кнопка? Ее можно нажимать...

– Ты намазал под браслетом?

– Я обмазать, та... и теперь мозг дымиться... почти фзрваться... фто за странный эффект?

В комнате сначала повисла недоуменная тишина, а затем раздался дружный хохот; нажимавший до этого на различные кнопки Эльконто моментально зажал рот и выпучил глаза.

– Фто происходить?

– Дэйн! – взревела я. – Вот ведь торопыга! Эти кнопки для создания в любом языке акцента! Его уровень можно варьировать. Потому что если вы все будете говорить на любом языке без акцента, посыплется слишком много вопросов: откуда так хорошо знаете, долго ли учили, почему вас привлекла именно наша культура? А корявая речь не вызовет подозрений.

– Умно! – хмыкнул Декстер, рассматривая бордовый ремешок.

– Ага. – Регносцирос тоже не торопился мазать гелем запястье, подозрительно разглядывая кнопки. – А вернуть до нормальной речи можно?

– Мофно?! – Дэйн продолжал сидеть с глазами-блюдцами, явно смущаясь нового выговора. – Дай мне инструкция!

– Скажи «говнодавы»? – подначивал сидящий рядом Ла-

герфельд. – Ну, скажи! Скажи: «Я купить гафнодавы...»

Канн сложился пополам и затрясся от неслышного хохота. Чейзер, чтобы скрыть набежавшую от смеха слезу, отвернулся к окну – плечи его ходили ходуном.

– Убью!!! – заорал Эльконто и повалился на сделавшегося пунцовым доктора.

– О-о-о! – заверещал тот, шутливо отбиваясь от громадных кулаков. – Можешь ведь, когда захочешь! И вообще, зачем тебе инструкция, пусть теперь так и остается... Хоть повеселимся! А-а-а! Я пошутил!!!

Я ошалело смотрела на устроенный в гостиной цирк. И мне завтра с этими клоунами в собственном мир?!

Подошедший Халк сочувственно похлопал меня по плечу.

– Мы будем себя хорошо вести, не переживай.

– Да уж, – крикнула я в ответ. – Жду не дождусь.

– А вот акцент ему я бы оставил. – Губы сенсора искривились в хитрой улыбке. – Дай-ка сюда инструкцию, я ее припрячу, пусть пока так походит.

И Халк туда же?!

Я застонала и закатила глаза.

* * *

Оранжевые шторы привычно закрывали окна старой спальни, где я провела так много ночей. Сколько мыслей,

сколько воспоминаний... Казалось, стены пропитались духом того времени, когда я, будучи новопоселенцем этого мира – мира Уровней, – размышляла об уроках, новой жизни, собственном Начальнике, на тот момент недостижимом, а теперь самом близком и родном человеке.

У стены все так же стояла корзинка для Смешариков. Сами Фурии в этот час привычно сидели перед телевизором; Клэр готовила ужин.

Я выглянула в окно, на пустую дорогу Брайтлэйн-драйв, и улыбнулась.

Как привычно, хорошо и знакомо. Мой первый дом в Нордейле, навсегда ставший родным.

Новый особняк на холме, что мы с Дрейком приобрели не так давно, все еще находился на редекорации; пока дизайнеры заканчивали отделку третьего и четвертого этажей, я часто проводила время здесь, в старом доме. Сюда же часто приходил Антонио: днями он работал в собственном ресторане, а вечерами чаевничал с Клэр, гладил полюбившихся ему кошек, строил планы на будущее. С бывшим поваром Рена было легко, всегда тепло и комфортно. Хороший человек, легкий и приятный в общении.

Когда дом на холме будет готов к полноценному заселению, я поговорю с Вирранцем, быть может, они с Клэр согласятся составить нам компанию, поселившись на первом этаже. Моя экономка, Фурии, кошки... их уже не разделить, если и перевозить, то только всех одновременно. А захотят,

пусть остаются и живут здесь. Время покажет...

Насчет Смешариков Дрейк выставил только одно условие: пусть не катаются по верхнему этажу, там, где комната для отдыха и рояль, все остальное приемлемо. Несмотря на некоторую ворчливость, мне показалось, что Дрейк был рад тому факту, что иногда по вечерам, сидя с бокалом вина, он сможет продолжить общение с одной из древнейших рас, некогда выведенной им же самим в Лаборатории. Загадки, секреты – ничто не манило Начальника больше, чем возможность завладеть еще одной крохотной частичкой Знаний. Я его понимала.

Что ж... время все расставит по своим местам и приоткроет завесу тайны того, что случится дальше, а пока родной дом, грохот посуды на кухне и пушистая морда кота, труща-ся о пальцы. Мишка – теплый, родной и чудесный Мишка. Я погладила белую шерсть и улыбнулась.

На лестнице послышались шаги – дверь приоткрылась.

– Дин, ужинать идем?

– Ага.

Клэр просунула лицо в щель и какое-то время постояла, пытаясь почувствовать мое настроение. Уж этому за месяцы совместной жизни она научилась хорошо.

– Ты чего, волнуешься насчет завтра?

Я отпустила шторку и оторвалась от созерцания пустой дороги, освещенной фонарями.

– Да нет, не волнуюсь, хотя экспромтов будет много. Но

ничего, справимся... В конце концов, они хоть и шумные, но неглупые ребята. Я тут любовалась видом из окна. Иногда накатывает, знаешь ли.

– А ты не переживай! – Кухарка бойко закинула на плечо полотенце. – Дальше будет только лучше. И новый вид станет по душе, и мы будем рядом.

– Правда?

Внутри сделалось тепло.

– Конечно. Всегда рядом.

– Ядом! Ядом! – В комнату вкатился целый ворох Пушистиков. – Ушать! Дем ушать!

Их неумение произносить слова целиком до сих пор вызывало на лице улыбку. Невозможно ни привыкнуть, ни перестать умиляться.

– Я же вас уже накормила, негодники! Четыре раза кормила и еще сироп наливала пятнадцать минут назад. Уже съели?

– У-у-у-сно! – Облизнулся один из Смешариков, сидевший ближе всего к ее тапку. – Осень усно!

– Видишь, как хорошо, что у тебя с собой не будет хотя бы этих. Вот бы там хаос настал!

– Да там и так мало не покажется! Пойдем, расскажу тебе, что сегодня учудил Эльконто...

Я отодвинула тюль, чтобы Михайло прыгнул с подоконника, выключила свет и направилась следом за Клэр в гостиную, где на столе перед телевизором уже ждал горячий ужин.

Глава 2

Москва

Удивительно, но они действительно вели себя привычно, совсем, как группа туристов, приехавшая на экскурсию: ловили каждое мое слово, озирались по сторонам, с любопытством разглядывали окружающих.

Утро. Температура около двух градусов тепла.

Баал в вязаной шапке, Лагерфельд с толстым шарфом, все в джинсах, куртках, удобных ботинках. Если бы не рост и внушительные габариты парней, наша группа вообще не привлекала бы излишнего внимания. А так, нет-нет, мы ловили на себе удивленные, изучающие, завистливые или восторженные взгляды. Особенно это касалось низкорослых японцев или молодых девчонок, непонятно зачем приехавших на Красную площадь спозаранку.

– Город, в котором мы находимся, является столицей той страны, в которой я родилась. Как я уже говорила, в этом мире существует только один единственный Уровень, который территориально разделен на государства, то есть страны. В странах есть города, это крупные населенные пункты, а поселки и деревни – более мелкие.

– И вы все помещаетесь на одном уровне? Не тесно? – спросил Рен с любопытством; одетый в привычную черную кожаную куртку Чейзер с непонятым выражением лица

взирал на мавзолей.

– Помещаемся. А куда нам деваться? Этот мир устроен немного иначе: это не плоское пространство, это планета, с которой мы пока не можем далеко улететь. Я потом свожу вас в астрономический музей или в обсерваторию.

– Надеюсь, в этом месте не гадят по-большому?

– Гадят?

Я укоризненно взглянула на Эльконто, белобрысый ежик которого контрастировал с раскрасневшимися от холодного воздуха щеками.

– Ну, слово какое-то странное... «Обсерватория», наводит на мысли.

– Грамотей! Обсерватория – это от англоязычного слова «наблюдать». В данном случае наблюдать за внеземными явлениями.

– Понял, не дурак.

– А Земля – это название этой планеты. – Я вздохнула, представив, сколько можно рассказывать людям иного мира о том, о чем местных детей учат еще в школе. – Только все по порядку, ладно? А то голова лопнет.

– Да ладно тебе, не коптись. Ну, не расскажешь чего-то, не страшно.

Канн, одетый в темно-серый пуховик, выглядел, как убийца из фильма про маньяков. Веселенькие дутые рукава, толстенький воротник-сосиска, улыбка на губах, светлые льдистые глаза и шрам через висок. Такого хоть под клоуна мас-

кируй, все равно останется убийцей. Даже Рен в черном полупальто мог сойти за бизнесмена или, на худой конец, за эскорт президента, а вот Аарон никак.

– Ладно, давайте покажу вам площадь и окрестности, а заодно расскажу про старение, детей и прочие вещи, которые здесь желательно знать.

Одна из девушек, одетая в синее пальто и высокие сапоги и входившая в состав группы индусов, стоящей метрах в пяти от нас, методично ощупывала взглядом-присоской то Баала, то Чейзера. Иногда ее взгляд «перетекал» на Эльконто, но довольно быстро возвращался снова к Баалу – вероятно, брүнеты все-таки привлекали больше. Заметив мое ответное рассматривание, она схлопнула приоткрытые губы, мигнула выпуклыми коричневыми глазами и отвернулась, притворившись, что слушает своего гида.

Я кожей почувствовала, как сильно индианке хотелось бы переместиться из своей группы в нашу, и хмыкнула.

– Все, вперед! Сначала к Гуму, а потом к собору Василия Блаженного.

Мы принялись пробираться сквозь толпу. На шуточный диалог Стивена и Дэйна о том, что именно сделало Василия «блаженным», я внимания обращать не стала.

К шести часам вечера мы успели обойти не только центр Москвы, но также посетить Охотный ряд, Третьяковскую галерею, оказаться у закрытых дверей «Парка неба» (оказа-

лось, что обсерватория не работает до мая месяца), переместиться в планетарий культурного центра вооруженных сил, попасть на сеанс индивидуального посещения и даже посмотреть фильм «Сокровища звездного неба», который вызвал у парней бурную дискуссию. Оказалось, что хоть спецотряд и обладал повышенным уровнем знаний касательно их собственного мира, но мир космоса-таки сумел шокировать их всех, а ответить на вопросы «как далеко простирается ваша галактика?», «действительно ли постоянно расширяется?» и «кто создавал все эти звезды, планеты и бесконечные пространства?» я полноценно ответить не смогла.

Как неловко, однако, можно себя почувствовать, притащив на Землю инопланетных туристов. Тема о бесконечном космическом пространстве затихла только тогда, когда все вдруг осознали, что проголодались – пришлось срочно чешать голову на тему приличного места для ужина.

Шумел позади проспект, неслись, разбрызгивая из под колес мокрый снег, машины. Мимо шли старушки, женщины с пакетами из супермаркета, похожие на гопников парни, говорящие по телефону бизнесмены и уставшие после работы среднестатистические мужчины в поношенных куртках.

На Москву опустился вечер.

Запестрели неоновые рекламы, зажглись подсветки на продолговатых щитах-плакатах, вещавших о выгодных процентах банковских вложений, магазинах сантехники и но-

вомодных коллекциях одежды в бутиках. Смотрело с дома напротив лицо холеной Шарлиз Терон – золотистое платье, дерзкий взгляд и бутылек духов «Dior» размером в два этажа.

Светилась неподалеку желтая изогнутая буква «М», то и дело распахивались двери «Макдоналдса», откуда выходили горстки сытого жареной картошкой и бургерами молодняка.

– Может, туда?

Мы шли по одной из центральных улиц, поглядывая по сторонам. Я проследила за взглядом Халка и покачала головой.

– Нет. Это забегаловка быстрого питания.

– Там, вроде, людно. Наверное, хорошо кормят?

– Как раз наоборот. Достаточно дешево, жирно и с кучей пищевых добавок. Идеальное место для мамаш, идущих на поводу у детей, которые обожают набивать желудки так называемым «фаст-фудом» – едой, от которой их разносит так, что к двадцати годам не остается ни здоровья, ни возможности нормально двигаться. Эдакие «жиртресты». У нас даже есть шутка на этот счет...

– Какая?

Идущий сбоку Эльконто пропустил встречного пешехода и с любопытством прислушался к нашему разговору. Снайпер, как я уже заметила, вообще был охоч до шуток.

– «Макдоналдс» – это лучшее место, чтобы расстаться с девушкой. Нет ни железных ножей, ни вилок, ни тяжелых та-

релок, которые можно разбить. А в случае чего всегда можно спрятаться за жирного мальчика.

Дэйн расхохотался в голос, Лагерфельд ухмыльнулся, а Чейзер покосился на светящуюся на фоне темного неба букву «М» с презрением.

Отужинать решили в трактире «Жили-были» – громкогласно урчащие желудки поторопили с выбором места, стало не до поиска «фэнси» ресторана, в котором так или иначе потребовалось бы бронировать столик заранее. А здесь, в довольно уютном деревянном павильоне, нашлись и свободные места, и расторопные официанты, и русских дух, который мне хотелось показать, и радующее глаз обилием блюд меню.

Выбор съестного единогласно переложили на меня.

Ну, что ж... посмотрим...

Оливье, селедка под шубой, блинчики с красной икрой, икра баклажанная – куда же без всего этого? Дальше: щи, уха, солянка – все это в больших горшочках, чтобы каждому на выбор. Да, девушка, под суп пустые тарелки – сами разберутся, кому что... На второе нам отбивные из свинины с картофелем, голубцы, язык с хреном, заливное... так, что тут еще... жаркое в горшочке, запеченный судак. Пойдет! А на десерт мороженое. Запьем все это настойкой из клюквы – мы не за рулем – и медовухой. Все не войдет на один стол? Ну, так несите по очереди: сначала холодные закуски, затем

супы, потом уже второе, чтобы как полагается...

Официантка строчила в блокноте, как автомат – молоденькая, расторопная, видно, не хотела что-либо упустить, чтобы не расстроить иностранных гостей. Про иностранных она сообразила сразу же, как услышала Эльконтское: «Я, конечно, устать... но не настолько, чтобы упустить из вида красивый дефушка...» Девчонка в переднике покраснела, смутилась, бросила взгляд на косичку с бусинами и тут же спрятала глаза за листочком. Чиркнула последнее слово, бросила: «сейчас все будет» и убежала.

Дэйн, научившийся управлять браслетом, нажал несколько кнопок и хохотнул в кулак, Баал посмотрел на него и покачал головой. Оголодавший до волчьего состояния Рен принялся нетерпеливо разматывать завернутые в салфетку столовые приборы.

* * *

Оказывается, я отвыкла от ночных клубов.

А в этом, густо напичканном людьми, было шумно. Вращающиеся лазерные установки, развешанные по углам, превращали перегруженный танцпол то в кроваво-красный аквариум, то в цветастый пруд с хаотично двигающимися и подпрыгивающими силуэтами, в котором по росту выделялись три: методично выводящего рваные пассы Дэйна, перед которым извивались сразу три девушки, качающего в такт

трансвому ритму головой Баала – теперь его волосы были распущены, придавая знакомый демонический вид, и широкоплечего Канна, поддержавшего друзей своей компанией.

Остальные были чуть повыше или пониже, но рядом с этими тремя однозначно казались хоббитами. За исключением одной из дам, со змеиной грацией извивающейся перед снайпером.

Эх, знала бы ты, девонька, кого пытаешься соблазнить...

Пробираясь из туалета к столику, за которым в хламину надирались разошедшиеся после медовухи коллеги из спецотряда, я краем глаза заметила сидящего у барной стойки Лагерфельда. Перед ним, помимо бутылки с какой-то темной жидкостью, стояли две фифы, одетые в короткие юбки и обутое в ботфорты. Видимо, Стивен приглянулся сразу обеим, потому что девушки, размахивая руками с длинными ногтями, пытались перекричать не только музыку, но и друг друга. Медик рассеянно кивал.

Точно балаган...

Что-то в этом клубе было иначе, не так, как в увеселительных заведениях Нордейла. В воздухе ощущались эмоциональный сумбур, безбашенность, слишком веселая неестественная кичливость и разнузданность, в отчаянной попытке уйти от повседневной жизни. Глотнуть хоть немного воздуха, драйва, оторваться, пока живой, что-то запомнить. Здесь присутствовало чувство опасности и хаотичное переплетение случайно столкнувшихся судеб.

Кто-то уйдет отсюда с фингалом; кто-то не получив вожделенного кайфа, унеся домой ту же тоску, которую принес с тобой; кто-то уедет на такси с незнакомцем, который наутро окажется женатым семейным человеком и скажет: «я позвоню», чтобы никогда не позвонить...

Здесь, в этом мире, никто не контролировал стечение обстоятельств. Или же контролировал, но по какой-то своей схеме, непонятной мне.

Почему-то всего этого я не замечала раньше, но теперь, после жизни в Нордейле, где в воздухе разлито умиротворение, негативные эмоции приглушены, а люди более спокойны, разница стала очевидна. Здесь старели, здесь умирали, здесь постоянно старались что-то успеть, но не знали, что именно. Кусочек счастья? Хорошую работу? Женщину, которая бы смогла родить достойных отпрысков и не пилила по утрам; мужчину, сумевшего устроиться в жизни? Устроиться зачем, для чего? Здесь пытались дожить до старости так, чтобы остались хоть какие-то греющие душу воспоминания и не тяготило чувство упущенного, неделанного.

Да, время – жестокая вещь. Оно накладывает рамки и невероятно возвращает желание чего-то хотеть. Потому что можно не успеть... потому что в итоге никто не успевает, потому что этот мир – проходная точка, где люди учатся испытывать эмоции, учатся быть счастливыми.

Многие проваливаются.

Пробираясь сквозь попадающиеся на пути тела, я в ка-

кой-то момент натолкнулась на парня, преградившего мне дорогу. Расслабленная вялая улыбка, стеклянные глаза, глуповатое – для него, наверное, счастливое – выражение лица.

– Выпей со мной. Угощаю.

Я покачала головой.

– Ну че ты, куда торопишься?

Он качнул высоким стаканом, зажатым тонкими, почти женскими пальцам, и едва не облил меня пивом.

– Дай пройти.

Не успела я напрячься, как рядом, взрезав толпу, как разрезает волны острый нос быстроходного лайнера, возникла высокая фигура, и от нее моментально дохнуло холодом. Но не тем, что рецепторами ощущает кожа, а тем, что на уровне инстинктов ощущает позвоночник. На голове у всех – я могла в этом поклясться – находящихся в радиусе пяти метров зашевелились волосы.

Чейзер.

Причем Чейзер в его настоящем проявлении – охотник, убийца.

– Проблемы?

Несмотря на то, что вопрос был задан очень тихо и направлен только на одного, толпа расступилась, почуяла, что рядом находиться не стоит. Что-то заставило людей отойти, и это несмотря на тесноту, несмотря на отсутствие осознания происходящего. Поразительно.

Парень со стеклянными глазами стоял без движения, его

взгляд изменился, из глупого сделался зверушечьим. Так смотрит на приближающегося питона брошенная в стеклянный аквариум крыса. Глаза обычного человека прилипли к холодным глазам убийцы, и я знаю, что он видел в них: холодные бетонные стены, стук собственного сердца и тени. Он видел в них дыхание смерти.

– Я уже ухожу... Ухожу, слышите?! – он вдруг заорал так, будто увидел поднесенный к пальцам нож для обрезки сигар.

Несколько лиц моментально обернулись. Их взглядам предстал бледный, покрытый потом юноша и спокойно стоящий без движения мужчина. Ни матов, ни драки. Веселуха осталась за кадром; лица разочарованно отвернулись.

– У тебя пять секунд. – Аллертон оставался предельно спокоен; ни единой дрогнувшей на лице мышцы. А вот стоящий наротив вдруг сорвался с места так резко, что пиво все-таки выплеснулось на какого-то парня. Тот резко развернулся, поймал обидчика за рукав и облил в ответ потоком брани. Через секунду обоих заглотила толпа.

– Спасибо. Ты пришел вовремя, хоть я и сама могла бы... – поблагодарила я Мака.

– Не стоит благодарности. Видишь ли, даже пьяные мы остаемся теми, кто мы есть.

Теперь, когда опасность миновала, взгляд зеленовато-карих глаз вновь неуловимо потеплел. Окружающие интуитивно почувствовали смену настроения охотника и перестали волноваться, расслабились, заговорили громче. Недавний

холод растворился в воздухе, напряжение, подобно сгладившейся синусоиде, улеглось.

Мы направились к столу.

– Давайте-ка еще по одной! – Раскрасневшийся Эльконт, вернувшийся с танцпола, спешил пополнить запасы выпарившегося с потом в процессе танцев алкоголя с помощью стопки водки. – Очень хорошая, между прочим, мне нравится... До этого было какое-то паршивое вино, а вот эта жидкость хороша!

– Согласен, я тоже заценил! – Канн накатил стопарь и тут же забросил в рот маленький корнишон. – Уже третью бутылку пробуем, эта пока лучшая.

Снайпер покрутил в руках бутылку «Абсолюта».

– Швеция, это где?

Я посмотрела на коктейль, который держала в руках, и сфокусировала взгляд на Дэйне.

– Тебе прямо сейчас показать?

То ли атмосфера набравшего обороты веселья увлекла, то ли всех разморило от усталости, но надрались мы прилично. Причем все. Музыка, казалось, начала грохотать еще сильнее. Народу прибавилось до кондиции селедок в бочке.

Баал, кое-как отвязавшись от преследующей его весь вечер рыжеволосой девицы, подошел к столу и довольно осклабился.

– Слушайте, а хорошо гудим!

– Ага, согласен. – На мое плечо легла тяжелая рука Аарона. – Это все ей спасибо, нашей «перевозчице».

– Слушайте, а Лагерфельд-то там так и залип! Уже целых три бабы вокруг него выются! Ну-ка, выпьем за это! – Дэйна несло. – Давай-давай, Ди, не отставай! Тебе тоже надо иногда отрываться.

– Ну, вы даете, блин... как я вас завтра «катать» буду?

Мой язык заплетался, а в теле царила приятная усталость. Хотелось привалиться к любому из плечей и заснуть.

– Как-как! Как сможешь, так и будешь!

Кто-то принес и поставил передо мной еще один коктейль.

– Да знаете ли вы, что хуже пьяного телепортера может быть только пьяный ассассин...

Получив мягкий толчок в бок, я повернулась. Пьяные глаза Рена Декстера улыбались; в руках он держал рюмку с водкой, которой мне же и отсалютовал.

Красота!

* * *

Часом позже портье отеля «Ritz Carlton» лицезрел странную не совсем трезвую посетительницу, пытающуюся объяснить, что ей нужен президентский люкс. Да, для нее одной. Да, именно президентский. Желательно очень просторный и с кучей диванов, так как по ночам она любит спать в разных местах. И на полу, и в креслах, и даже на матрасах, если та-

ковые имеются.

Дежуривший в эту ночь Павел Громов, привыкший к различным причудам гостей, заверил, что в номере с площадью в двести тридцать семь квадратных метров может разместиться одновременно до десяти-двенадцати посетителей. Уверена ли дама, что ей требуются дополнительные спальные места?

Дама смешно икнула и отрицательно покачала головой, мол, в таком случае ей достаточно имеющихся. Протянула паспорт и деньги.

Громов только потом понял, что удивило его больше всего: девушка в спортивной куртке, прописанная в каком-то провинциальном городе, даже не спросила про цену апартаментов.

Глава 3

Все еще Москва

Просыпаясь, Мак Аллертон чувствовал пульсирующую головную боль, привкус алкоголя во рту и тошнотворное брожение в желудке. Мда, кто-то вчера слишком много съел и выпил... Лениво ползающие в голове мысли иногда притормаживали, чтобы прислушаться к разговору, доносящемуся из соседней комнаты.

– Зачем было снимать такие хоромы, Ди? Могла бы закинуть нас к Дэйну, и все дела.

– Ну, вот еще! Весь смысл отдыха в том, чтобы проводить время далеко от дома. А сейчас вы как раз далеко.

– Во сколько обошелся тебе этот дворец?

Очевидно Бернарда и Лагерфельд (собака, добрый, как огурец, судя по голосу...) завтракали в гостиной. Позвякивал фарфор; пахло свежесваренным кофе и яичницей с беконом. Слюноотделение усилилось, хорошо бы встать и забросить в трюм нормальной еды.

– ...какая разница, Стив? Деньги – это энергия, предназначенная для того, чтобы приносить радость. Вот и пусть приносит. Отдавая ее с благодарностью, умея радоваться тому, что получаем взамен, мы привлекаем в десятки раз больше.

– Дрейк точно оказал на тебя влияние.

– И потом, если бы не этот номер, Мак с Реном не провели бы полночи, играя в шахматы. Правда, они, по-моему, решили, что это солдатики, но кого это заботит. Помнишь, как смешно Чейзер пытался оседлать коня пальцами?

– А потом проскакать по полю до самого короля, размахивая зубочисткой как мечом? Ха-ха, да я на всю жизнь запомнил...

Откуда-то из соседнего кресла доносился раскатистый храп не то Дэйна, не то Аарона. Мак едва не пропустил из-за него следующую фразу Бернарды.

– Слушай, Стив, а ты сам вообще не пьянеешь? Ты ведь тоже пил вчера будь здоров.

Лагерфельд смачно что-то жевал, желудок Чейзера едва не вывернулся из тела, пытаясь достичь соседнего помещения еще до того, как хозяин поднимется с лежанки.

– Пьянею. Только мой организм умеет входить в режим очистки от интоксикации. Я же нейрограф. Тебя, вон, за минуту на ноги поставил... сейчас и остальные подтянутся, сделаю из них бодрячков. У нас сегодня большие планы?

– Наполеоновские.

– Какие?

– Ну... очень большие.

– Тем более, пора всех будить.

– Ага. С меня хватит столицы. Как только все позавтракают, покатаю вас по миру.

Заслышав приближающиеся шаги, Мак наконец разлепил

глаза; тот, кто храпел справа – а им все-таки оказался Дэйл, – тоже затих, предчувствуя не то скорую тряску за плечо, не то бодрящую инъекцию в пятую точку.

– Доброе утро всем! Алло! Кто еще не проснулся, просыпаемся и встаем! В очередь за таблеточками от жадности, за пилюльками для очистки тела и мозгов, за тонизирующим массажем шеи!..

Эльконто, не открывая глаз, раздраженно почмокал губами.

– Иди сюда, рыжий, сядь на мой ботинок, я тебе такой массаж сделаю...

– А Дэйл, который вчера путался с геем, приняв его за девушку, подлежит дополнительному осмотру...

– Что?!

Для того, кто еще минуту назад видел сладкий сон, снайпер поразительно быстро принял вертикальное положение и увидел давящегося в кулак от смеха доктора.

– Да что ж ты за изверг-то!!! Даже проснуться нормально не даешь!

– А нормально – это как?

– Медленно...

– ...и ласково? Ну, иди сюда, я тебя обниму. Утренний % №*# не обещаю, но через штаны пощупать могу...

– Ну, все! – Пошатывающийся Дэйл, напоминая выползшего из берлоги медведя, поднялся с разложенного кресла, в котором провел ночь, навел прицел красных глаз на Стива

и всей тушей рванул вперед. – Сейчас ты у меня получишь, дохтур... За все твои шуточки... за все мои страдания...

Когда топот, звук сдвигаемого подошвами паласа и рык затих где-то за дверью, Аллертон наконец позволил себе рассмеяться в голос.

* * *

Пятнадцать минут спустя – свежие, переодетые (да, на три минуты все-таки пришлось закинуть их к гостиную к Дэйну) и значительно пободревшие после выданных Лагерфельдом пилюль ядовито-красного цвета – мы все вместе завтракали и занимались обсуждением планов на день.

– Я за архитектуру!

– А я бы на водопад посмотрел...

– А что за колесо обозрения, о котором ты говоришь? Высокое?

– Так, господа, надо решить, с посещения чего мы начнем...

В ход шли булочки с джемом, тосты, блины, пирожки и даже шоколадные конфеты – пригодилось абсолютно все, что находилось на столе. Конвейер из голодных ртов был готов перемолоть все, вплоть до ножек стола. Сыр, ветчина, бекон, вареные яйца – все, что входило в состав готовых завтраков, умялось на считанные минуты... В том кафе, где этим утром готовили заказ «to go», пришлось соврать, что ко мне прие-

хали дальние родственники. Голодные и все разом.

Парень на кассе посмеялся.

– Решено! – Я подняла глаза и оглядела своих «туристов». В светлой просторной комнате, куда через окна светило яркое весеннее солнышко, а кофейный аромат пропитал и диваны и подушки, продолжали голосить на разные лады. – Сегодня мы ухватим столько, сколько сможем. Все поели?

Великая Китайская стена

Шэньян, Ляонин. Девять утра местного времени.

Здесь царил дух навсегда застывшего времени.

Мощь, питающая кладку из-под земли, широкие каменные ступени, бесконечная череда бойниц, простирающихся до самой башни, стоящей в отдалении на горизонте. Здесь чередовалась энергия поколений, пробиваясь сквозь зыбкую ширму настоявшего, доносились голоса тех, кто много столетий назад канул в историю, их слова вплетались в потоки воздуха, чтобы позже быть услышанными теми, кто придет после. Здесь, рассеявшись, словно туман над долиной, стоял Дух Силы, той самой – древней, могучей и неодолимой, что сделала это архитектурное сооружение столь уникальным в своей неприступности.

То была Стена.

Здесь тишина состояла из неслышных завываний ветра,

долетевшего с холмов и запутавшегося в терракотовой глине, отдаленного щебета птиц, живущих в соседствующем с молчаливым хребтом лесу, и редком постукивании перекатывающихся камушков, задетых неосторожной подошвой туристического ботинка.

«Не тревожь...» – будто бы говорила замершая змеиная спина, изгибаясь по холмам до самого горизонта – спина спящей эпохи, символ нерушимости. – «Не видишь?.. Тихо... Хорошо... Замри и прислушайся...»

Казалось, стоило замереть и утонешь.

Скелет мифического китайского дракона – вот на чем стояли мои подошвы. Шепот щебня, застывший взгляд пустых бойниц, лапы, вросшие в землю...

Мужчины, стоявшие позади, молчали. Здесь настроение задавали не посетители, его задавала окружающая природа и величавая монументальность бытия.

Осторожно дотрагивался до лба ветерок, шевелил волосы, неслышно спрашивал: «Красиво, да?»

Красиво.

– Мда... – только и произнес Аарон Канн, медленно оглядывая окрестности. – Не знаю, что за история у этой нации, но воевать и строить они умеют.

Водопад Игуасу. Южная Америка

Мисьонес. Полночь.

Ливень колотил по курткам отбойными молотками; грохотало повсюду: из туч, извергающих молнии каждые двадцать секунд, и от воды, стекающей вниз по камням со скоростью сорвавшегося в бездонную пропасть локомотива.

Двести сорок потоков, одновременно сливающие воды в бурлящую воронку, отвесный обрыв, на который мы попали благодаря мне, и крошечная темнота вокруг. Если бы не вспышки молний, казалось бы, мы в аду – сыром, громящем непонятно чем, завешенном моросью аду.

– Твою мать! Скользко-то как! И вся одежда насквозь...

– Блин... ни тента, ни зонта! Ди! Это что за место такое?!

– Ох, тут лететь! – Мужской силуэт отшатнулся от обрыва.

Я хохотала.

Джунгли. Ночь. Рядом один из самых высоких водопадов мира, который почти не видно, и ливень, хлещущий, как из ведра. Вот тебе и снова издержки работы телепортером. Кто-то просто забыл посмотреть карту часовых поясов.

– Сейчас... сейчас унесу! – прокричала я в ответ. – Я думала, тут как на Ниагарском: подсветка, лодочки и все прочее... Точно не хотите задержаться? В джунглях еще и живности ночью полно – повеселимся...

Баал уже приклеился к моим холодным пальцам. За ним в рядок собрались и остальные, приготовились линять из грохочущей сырой полночи.

– У-у-у... какие цацы! – Выпученные глаза спецотряда

во вспышках рвущихся над головой молний заставляли меня покатываться со смеху. – Окей, все полюбовались водопадом? Даем деру?

Никогда я еще не слышала более слаженного положительного ответа.

Сорок минут спустя, уже переставшие трястись, сухие, переодевшиеся в гостиную у Дэйна, но все еще ошарашенные от случившегося, мы пили кофе в одной из теплых кофеен Санкт-Петербурга.

Развернув на столе географическую карту, я ткнула пальцем на границу Бразилии и Аргентины.

– Вот сюда я вас закинула. Видите, это другой континент? У нас разные временные зоны. А дальше мы хотим попасть вот сюда... – Мой палец переместился на остров британского государства и постучал по точке с названием «Лондон». – Только нам сначала придется немного походить по северной столице России, иначе снова заявимся еще до рассвета.

Глядя на озадаченно изучающие карту лица коллег, я покачала головой.

– Сложно, когда у вас круглая планета, а не куча наслоений в виде Уровней, да?

– Ничего, тем интереснее. – Взъерошенный Лагерфельд, судя по всему, вообще никогда не унывал.

Не столь оптимистично настроенный Канн отхлебнул кофе, оперся плечом на деревянную стену и спросил:

– А нет ли места, где можно погреть кости до этого твоего Лондона? Где не сыро, не темно и светит солнце?

– Пляжа, ты имеешь в виду?

– Да, пляжа... вот как раз бы там несколько часов и повалялись.

Настал мой черед скрести щеку.

Эль-Нидо. Филиппины

Местное время: 11:23 Температура воздуха: +28 градусов по Цельсию.

Поразительно, но в этом месте всем так понравилось, что мы провели на одном из пляжей Палавана почти целый день.

Завтрак в питерской кофейне, перенос в особняк Эльконто, чтобы в очередной раз переодеться, захватить с собой полотенца, шорты, купальные плавки, крема для загара и прочую дребедень, а после прыжок сюда, в тропический рай.

Да, рай, только так можно было назвать это место: изумительная голубизна кристально чистой воды – чаша бассейна, застывшая среди мраморных скал, жаркий бриз, шелест пальмовых листьев, тихий скрип катамаранных мачт, стоящих у кромки берега, и горячий бархатистый песок под пальцами.

Не удивительно, что, как только моя щека коснулась полотенца, сознание, успокоенное размеренным шелестом волн,

криком птиц с кроны раскидистого дерева и знакомыми голосами коллег, готовящимися нырнуть в море, принялось отключаться. Как тепло, как хорошо... хотелось расплыться по берегу медузой.

Плеск воды, пригревающий ладошку луч солнца, нос, просунутый в дырочку из скрученной на голове майки – и лицо не обгорит, и тень, в которой приятно спать. Кто-то обсуждал красивый вид, кто-то дизайн лодок, кто-то шуршал пакетами, а я тихо сливалась с пляжем, с горячим песком, с жарким ветром, с соленым воздухом и криком кружащих в небе пернатых.

Через несколько минут меня окончательно разморило.

Проснулась я заботливо укрытая полотенцем и в тени пляжного зонтика.

Подняла голову, стянула майку и попыталась сориентироваться во времени и пространстве. Мраморная бухта, залив, живописные скалы... ах, да – Филиппины...

Сколько же времени?

Солнце сдвинулось и сдвинулось прилично, проделав по небу дугообразный путь, тени удлинились, но жара спадать еще не начала.

Рядом, читая какую-то местную газету, курил Халк.

– Проснулась?

Я осоловело помотала головой. Сюрреалистично красивый пейзаж вокруг казался заставкой с рабочего стола.

– Сколько я проспала?

– Не так долго, на самом деле. Часа три.

– Ничего себе!

– Видимо, тебе требовалось отдохнуть.

– А где остальные?

Халк, одетый в смешную кепку из свернутого газетного листа, неторопливо затянулся, выпустил дым изо рта и качнул головой, я проследила за его взглядом. Баал, рассекая воду мощными гребками, мерно шел брасом у самых скал (он вообще из воды выходил?), Рен и Лагерфельд, сидя под соседним зонтиком, рассматривали какие-то цветастые брошюры и что-то жевали – наверное, кто-то из местных торговцев принес их вместе с напитками и бутербродами. Канн дремал на лежаке, как и я до этого, полностью укрытый полотенцем (Стивен втихаря успевал позаботиться обо всех). Ну, а Эльконто, как того можно было ожидать, наслаждался цветником из четырех дам, сидя метрах в пятидесяти от наших зонтов. Горячий бриз периодически доносил переливистый женский смех и запах разномастных духов.

– А где Чейзер?

– Отлить пошел, наверное. – Газетный лист перевернулся; Конрад с интересом прочитал заголовок очередной статьи. – Представляешь, этот браслет позволяет воспринимать и печатную речь. Глядя на вывески, я как-то не задумывался об этом, а вот газеты – это очень интересно.

– Вы что-нибудь поели?

– Да, местные принимают доллары. Мы брали у них какую-то еду – хлеб, колбасу с майонезом.

– Поняла, сэндвичи. Это хорошо. Блин, Эльконто же там обгорит... поди, даже кремом не намазался, – пробубнила я, поднимаясь. – Сколько времени сейчас?

– По Нордейлу? – Халк улыбнулся.

– Ах да... конечно...

Я мысленно чертыхнулась.

Пока тут все тихо и спокойно, мне надлежало решить несколько задач: переместиться в Лондон, купить билеты на знаменитый «London Eye», а после стонять в Норвегию и арендовать для нас коттедж, в котором предстояло переночевать.

С некоторым сожалением оглядев пляж – какая чудесная все-таки бухта, жаль покидать, – я предупредила Халка о том, что скоро вернусь, и исчезла.

* * *

Посетив отхожее место, а после решив прогуляться по прилегающей к берегу территории, он заметил ее прячущейся за кустарником – ту самую девушку, что вот уже целый час наблюдала за ним.

Мак остановился.

Темноволосая островитянка с огромными карими глазами и тонкими бровями, изящная и полногрудая, в красном

с белыми цветами купальнике, заметив, что ее присутствие обнаружено, неуверенно покинула свое укрытие. Босая, с юбкой из пальмовых листьев вокруг талии. Посмотрела на него и застенчиво улыбнулась. Точно местная жительница, не приезжая. Аллертон определил это интуитивно – логика при отсутствии знаний о местности не помогла бы.

Заметив, что мужчина не уходит, но и не спешит представиться, смуглянка сделала шаг вперед и протянула тонкую руку – на ее запястье звякнул браслет из кораллов.

– Аналин.

Чейзер едва заметно нахмурился: его гаджет, отвечающий за перевод, молчал. Что это за слово, что оно означает?

Девушка улыбнулась шире и, видя недоумение собеседника, добавила:

– Я Аналин. А ти? Ви?

Аллертон выдохнул с облегчением – значит, переводчик не сломался, не поплыл от воды. Протянул в ответ руку, осторожно пожал тонкие пальцы с короткими ногтями.

– Я Мак.

– Мак?

– Да.

Аналин, стараясь скрыть проскальзывающее во взгляде восхищение, оглядела обнаженный накачанный торс. Затем плавки. Покраснела, смутилась и тут же добавила:

– Ты умеешь плавать, Мак?

– Умею.

Вокруг ярких сладко-пахнущих тропических цветов весело звенели пчелы, гудели, словно маленькие пылесосы, присаживались вглубь лепестков и снова взмывали вверх. Шелестели верхушки пальм; сквозь них проглядывались плывущие по насыщенному синему небу далекие белые облачка.

– Пойдем плавать?

– Вместе?

– Да. Ты и я. Вместе.

Чейзер вдохнул напоенный солью морской воздух и огляделся: странное место, дивное, сказочно красивое. Взгляд вернулся к девушке – сначала к ее огромным глазам, к пухлым, закушенным от смущения и собственной дерзости губам, затем к впадинке над ключицей. Автоматически переполз ниже, к ложбинке между полными грудями, в которой, подвешенный на коричневой веревочке, покоился овальный медальон. Представил, как по покатым плечам и черным волосам будут стекать капельки воды, как напряженные от холода соски уткнуться в тонкую ткань купальника, и не смог удержаться – кивнул.

Почему нет? Отдых...

– Пойдем.

* * *

Лондон встретил сыростью.

Серая каменная кладка строений, серая дорога, кажушие-

ся серыми из-за висящего тумана машины и даже серый воздух.

После Филиппин подобное изменение климата перенеслось, как ни странно, легко: все выглядели отдохнувшими, расслабившимися и в меру бодрыми. Без ропота отстояли очередь на колесо обозрения, загрузились в одну из стеклянных кабинок, полюбовались тем, чем можно было полюбоваться, несмотря на плотную белесую завесу тумана, почти полностью скрывшую Темзу и идущие по ней суда, а после расположились на широких ступенях фонтана, расположенного на Piccadilly-Circus.

Я не спрашивала, чем ребята занимались до моего прибытия – их чуть подгоревшие лица выглядели умиротворенными, а движения расслабленными, и это было всем, что мне требовалось знать.

Здесь, в центре пасмурной британской столицы, глядя на проезжающие мимо двухэтажные автобусы с зажженными фарами (а ведь кто-то живет в подобной сырости каждый день), мы жевали излюбленное англичанами блюдо – жареную картошку и рыбу в кляре. Так называемый «Fish & Chips». Халк ковырялся вилкой в бобах, Чейзер вывалил весь кетчуп на треску и теперь с удовольствием отъедал от нее огромные куски, Лагерфельд налегал на мясной пирог с почками и горошек, Эльконто мел все подряд с аппетитом и без разбора.

Город казался бесцветным.

Если бы ни меняющиеся сигналы светофора и неоновые огни реклам, он и вовсе казался бы монохромным. Одетые в преимущественно в темное пешеходы, бледные столбы, коричневые стволы деревьев, стальная ограда, идущая вдоль дороги, бесцветность зданий... Казалось, запрет выделяться, существовавший здесь всего какие-то лет двести назад, сохранился и по сей день: это вам не какие-нибудь Гавайи, это Англия, поэтому будьте добры, уберите эту цветастую юбку и наденьте что-нибудь монотонное, приглушенное и чинное. Да, мадам, это я к вам обращаюсь...

– Как-то тут уныло.

Декстер прочитал мои мысли.

Я кивнула.

– Тем не менее эта держава считалась одной из самых могущественных много столетий подряд. Огромное количество колоний... Британцы оказали сильное влияние на взгляды и культуру остального мира.

Рен поморщился.

– Все равно уныло. – Неодобрительно оглядел прохожих, хмыкнул. – Кажется, убей здесь кого-нибудь, и придется за собой стены тряпочкой оттирать.

Я прыснула.

– Если бы ты знал, насколько прав.

Справа в мусорную корзину полетела пустая картонная коробочка, вымазанная соусом. Эльконто вытер губы салфеткой, скомкал ее, зашвырнул в ту же корзину и повернулся

ко мне.

– А что у нас в планах дальше?

– Дальше? – Я улыбнулась. – Использование твоих фирменных унтов.

– Унтов?

Гаджет Дэйна, видимо, на переводе этого слова дал осечку.

– Говнодавов, – услужливо подсказал Лагерфельд.

– Ух, ты! – Снайпер оживился. – Перекинемся в холод?

– А то. Еще в какой. – Я вытерла руки, отставила коробку с остатками жареной картошки и оглядела ребят. – Сейчас возвращаемся в гостиную к Дэйну, переодеваемся в теплое и перемещаемся туда, где будем ночевать. Все готовы?

Норвегия. Tromsø

Вечер. Минус пять по Цельсию.

Конечно, то была рискованная затея, но они не роптали и не задавали вопросов о том, что мы делаем в этом странном северном городке. Прогуливались по узким улицам между выкрашенными в зеленый, розовый и желтый двухэтажными домиками, с интересом рассматривали сувениры в маленьких лавках и слушали мои рассказы о белых медведях, фьордах и викингах.

До заката оставалось около часа.

Я молилась и смотрела на окрашенное багровыми всполохами ясное безоблачное небо.

Да, конечно, конец марта – уже не совсем сезон, но, может быть, нам повезет... должно повезти.

В центре деревушки, что норвеги именовали коротким словом «бу», на центральной площади стояла небольшая сцена, на которой выступал местный фольклорный ансамбль. Женщина в зимней куртке и вязаной шапке с оленями пела на старо-исландском языке, с переводом которого стопорился даже лабораторный браслет. Виноват в том был то ли акцент певицы, то ли неправильно произнесенные ей слова, ясно было лишь то, что напев рассказывал о некоем корабле, попавшем в шторм у северных скал, а вот что именно произошло с моряками, осталось загадкой.

Темно-красный деревянный домик – удобный, оснащенный всеми современными удобствами коттедж, что мне удалось арендовать – находился на самом краю Тромсё, практически на отшибе, куда свет от городских окон и фонарей уже не долетал.

Тем лучше.

Зачем мы здесь? В чем смысл? Почему именно в этом месте? Я была благодарна за отсутствие подобных вопросов. Команда доверяла мне безоговорочно: если Бернарда решила, что следующим пунктом должен быть именно этот, то так тому и быть.

Спасибо им.

Лишь бы нам в эту ночь повезло...

От нечего делать поджарили на мангале во дворе купленные в магазине сосиски, попробовали местного, оказавшегося очень неплохим, пива, а через часок легли спать – сказалась усталость долгого дня.

Но даже тогда, когда шорох и возня в темных комнатах затихли, и коттедж наполнился размеренным тихим храпом, я продолжала смотреть в окно.

Природа, ну, пожалуйста, не подведи!

Над пологим холмом, покрытым елями, неторопливо плыла луна.

3:15 утра.

– Встаем! Ребята, встаем, одеваемся и выходим на улицу! Все, мигом! Давайте, собирайтесь-собирайтесь!

Недовольное ворчание прерывалось шорохом натягиваемой одежды.

– Куда одеваемся? Зачем?

– Блин, четвертый час, Ди, может, поспим?

– Одевайтесь!

Они нехотя оделись, обулись и сгрудились у двери. Взглянули хмуро, молча спрашивая: «И нафига?»

– А теперь на выход. Как только выходим, смотрим на небо. Давайте-давайте, в темпе, я не знаю, сколько оно продлится.

Толкнув деревянную дверь, первым наружу вышел Баал, а сделав шаг, застыл с задранной вверх головой. Остальные недовольно заворчали.

– Ну, ты уже подвинься...

– Чего там такое?

– Мы тоже хотим посмотреть!

Я протиснулась мимо Карателя и улыбнулась. Вот теперь можно ликовать!

Каждый, кто, обходя Регносцироса, выходил на улицу, мгновенно, словно по взмаху волшебной палочки, застывал, поднимал лицо к небу и превращался в зачарованную магическим видом статую. Через минуту неподалеку от крыльца стояло семь мужчин с одинаковым выражением лица: распахнутые глаза, распахнутый рот и отражающиеся в зрачках зеленоватые всполохи. Лишь вырывались наружу клубящиеся облачка пара, да скрипел под подошвами снег.

С минуту или около того никто не мог произнести ни слова – на темном небе, растянувшись от горизонта и до самых макушек, застыло в своем великолепии северное сияние.

Слоистое мерцание, магическая пыль, свет, порожденный космосом – невероятное, завораживающее зрелище. Ощущение свершившегося чуда – смотри на небо и загадывай, что хочешь, все мысленно попрошенное в такой час обязательно исполнится. Истинная магия.

– Ди, что это?

Силуэты деревьев, застывшие темными лапами на фоне

желтоватых и местами розоватых всполохов. Зеленый все же преобладал. Ленты свечения медленно перетекали из одной в другую и меняли форму – простиоись часами и все равно не сможешь оторвать глаз.

Спасибо, природа, спасибо! Конец марта, но ты поделилась чудом, спасибо!..

– Это очень редкое явление на нашей планете. – Я не отличалась от остальных, взирая на небо с благоговением. – Оно называется северное сияние, и мы приехали сюда именно для того, чтобы увидеть его.

Глава 4

Следующий день в своих бесконечных прыжках и переодеваниях оказался сиамским близнецом предыдущего, изменились только названия стран под постукивающим по карте ногтем и созерцаемые следом за этим пейзажи.

Швейцарские Альпы, Пизанская и Эйфелева башни – Европа с благосклонным кивком аристократичной головы приняла визит посетителей из мира Уровней и показала себя во всей красе наступающей весны. Перекус в Амстердаме в двенадцать дня, а после обед в Японии – как же не попробовать знаменитую Фугу? Да, знаю, только что был полдень, а теперь уже восемь вечера... Что ж, пусть будет ужин, а после снова рванем на яркий день. Где наша не пропадала?

Ребята начинали привыкать к резкой смене часовых поясов.

А что в этом месте? А вот здесь?

Глянцевые страницы атласа замусолились, покрылись отпечатками пальцев и кофейными разводами.

А, может, попробуем вот сюда? Что это за Америка такая? Что, темно? Минус двенадцать часов? Эх, опять придется ждать ночи... Нет? У нас снова какие-то планы на вечер?

И не какие-то, а очень даже интересные.

Ведь не зря же я несколько дней назад просила двоюродную бабушку приготовить – к семи вечера нас уже ждут

и, надеюсь, ждут не только хлебом-солью, но и натопленной баней.

Полысаевка. Где-то в России

Минус семь по Цельсию.

Деревня гудела, как улей, начиная с самого утра.

Как же, заморские гости, и это к Захаровне! Да, внучка у ейной сестры, той, что в городе живет, вроде как переводчица, вот и возит. А сколько их? Да Бог знает, но встретим, как полагается.

Жарился в печах хлеб, шкворчала на сковородах картошка, лепились пельмешки, да не простые, а с отборным мясом, сальцом и перцем, чтобы не пресные, а с пряным бульончиком внутри, как сварятся. Кто-то занялся борщом, кто-то поросенком – для такого случая как ни запечь?

Дрова для баньки нарубили еще в обед, печи в домах почистили, стены и столы отмыли, да постелили на них лучшие вышитые вручную скатерти – кто знает, а вдруг заглянут посетители на огонек? А не заглянут, так все равно глазу приятно.

Бабки пшыкали на внучат – нечего горячую выпечку и варенье таскать; деды почесывали усы да бороды – маленькая деревушка, и показать-то нечего... Ну, ежели гости не привередливые, то настойку на стол поставим, угостим перцо-

вой, да расскажем историю края. Хоть и жидкая она, история-то, но какая уж есть, не обессудьте.

Раз уж в Полысаевку пожаловали, то, как говорится, чем богаты...

К шести часам у Захаровны начал толпиться народ: курить, балагурить, поглядывать на дорогу. Когда они там пожалуют? И на чем? Главное, чтобы картошечка не успела остыть.

Солнце медленно скользило к горизонту; сидел на заснеженной обочине серый кобель – немецкая овчарка по кличке Карат, принюхивался к долетающим из избы запахам жареного мяса.

Над банькой, неторопливо уползая в темнеющее небо, вился дымок.

* * *

– Где это мы?

– Снова у меня на родине. Только на этот раз не в городе, а в деревне, я вам о них рассказывала.

Мы шагали вдоль леса по покрытой грязью дороге. Восемь пар обуви – семь мужских и одна женская. Снег, не желая уходить и поддаваться влиянию весны, все еще лежал толстым слоем в низинах и по берегам узенькой речки.

Миновали деревянный мост. За поворотом показались

приземистые домики; я посмотрела на часы: как раз к семи.

– Покажу вам, как живут вдали от столицы и чем дышат местные люди. Тут в основном старики, молодняк уезжает жить и работать в города. А здесь тихо, развлечений никаких, зато остались традиции, думаю, вам будет интересно взглянуть. Нам обещали подготовить баньку...

– Баньку?

– Да, помоетесь, попаритесь березовыми вениками, в снег попрыгаете, благо, он еще не растаял.

Шагающие рядом со мной мужчины переглянулись.

– А зачем в снег?

– Для контраста температур. Бодрит.

– В одежде?

– Гольшом.

– Совсем?!

– А то.

Ответом мне служило настороженное молчание.

Я улыбнулась.

– Ничего, пара рюмок водки, и вам станет понятно, что к чему. Воспринимайте это как местное развлечение.

* * *

Гости, все как на подбор, оказались здоровыми молодцами, даже бугаями: высокие, статные, кровь с молоком. И на каких только харчах так отъелись?

Местные бабы засмотрелись.

Поначалу визитеры настороженно озирались, рассматривали приготовленный стол, собравшейся в тесной комнатухе народ, слушали имена, запоминали, вежливо кивали. Говорили мало и с акцентом, еду пробовали аккуратно и по чуть-чуть, будто боялись, что не пойдет она привыкшим к заморской пище желудкам.

Но постепенно распробовали и борщ, и поросю, научились пельмени есть ложкой и со сметаной, стали крошить сверху зеленый лучок, выращенный бабой Варей в избе на подоконнике. А после нескольких доз настойки заметно оттаяли, расслабились, повеселели, сделались розовыми.

Мужики возрадовались – оценили гости настойку! Знать, есть у них вкус, и губа не дура!

Вечер пошел веселее.

Бабки после той же настойки принялись бомбардировать молодежь вопросами: Ильична все выпрашивала, как да где живут, Олеговна – про работу, Васильевна тут же попыталась сосватать внучку за того, что с черным хвостом – уж больно он, мол, на ейного покойного мужа в молодости походил. Ведь говорят, что когда ладони квадратные, а брови широкие, то и характер хороший, не взбалмошный и не дурной, как раз бы ее Нинке такой подошел.

После этой фразы Баал стал прятать нарастающий шок под вежливой маской, а руки – под столом.

Один из дедов, перебрав с перцовкой, попытался было за-

тянуть фронтовую, но его прервали, сказали, песнопения будут позже, сначала бы гостей отмыть в баньке, они как раз дозрели. Поэтому через пять минут раздобревшим иностранцам выдали валенки с галошами (нечего свои хорошие ботинки стаптывать), объяснили, где взять веники, мыло, черпаки и что с ними делать, а после отправили в конец огорода, где уже давно протопился деревянный сруб.

Напоследок предупредили, в какой сугроб лучше прыгать, чтобы уж наверняка...

Стоило молодцам хлопнуть дверью, как местные женщины – из разряда «все, кому еще нет пятидесяти» – тут же перебежали в дальнюю комнату и, толкаясь задами, приклеились к окнам.

* * *

Пока спецотряд намывался (или чего уж он там делал?) в бане, я успела пообщаться с половиной собравшихся у двоюродной бабушки родственников: ответить на разномастные вопросы, поблагодарить за еду и прием, рассказать пару баек «с работы» – повеселить стариков историями городской жизни.

Здесь, в Полысаевке, гости случались редко, а уж иностранцы и того реже. Проще говоря, никогда.

Казалось бы, двадцать первый век, коммуникации, телевидение, давно открыты границы, а в таких вот затерянных

закутках люди все так и живут, как пятьдесят, как сто лет назад: чугунные чаны, противни для жарки хлеба, корыта для стирки... Живут и не тужат, как мы иногда думаем, выходят вечером на завалинку, садятся на знакомое бревно у прогrevшегося за день забора и смотрят, как клонится к горизонту солнце, а коровы, подгоняемые пастухом, возвращаются домой.

И есть для деревенских жителей что-то родное и незблемое в утренних криках петуха, в тикающих на стене часах, доставшихся еще от прабабки, в замусоленных и застиранных шторах на окнах, стекла в которых давно бы сменить... В потрескавшейся раковине с прибитым к доске умывальником, в извечном – от рассвета до заката – огороде и в знакомых лицах, что проходят вдоль по улице. Всех знаешь, со всеми поздороваешься, спросишь, как здоровье и дела.

В деревнях есть то, чего нет ни в одном городе: пусть нет круговерти из событий, но есть тишина и размеренность, пусть немного новостей, но есть отсутствие суеты, почти нет приезжих, но зато все знакомые, свои.

Анастасия Захаровна выпросила и про сестру Таисию, и про маму, и про всех, кого смогла припомнить. Хорошая она, старенькая и теплая. А как радовалась, что внучка приедет ее повидать...

В какой-то момент я пожалела, что не привезла ей, гостеприимной родственнице, которую и знала-то не так хорошо, какого-нибудь сувенира. Хоть маленького, но...

Идея пришла в голову неожиданно.

Я посмотрела на часы и сказала, что выйду в туалет.

Меня снабдили дополнительным мотком туалетной бумаги (вдруг во дворе закончилась?), посоветовали держаться стены (земля стылая, ногу не подверни) и отправили с Богом.

Проходя по двору, чтобы скрыться в тени от глаз, я бросила взгляд на стоящую в отдалении баню.

Оттуда доносились вполне себе пьяные визги и хохот; в желтом оконце бодро мелькали мужские силуэты.

Значит, все идет отлично, время есть. Если здесь начало девятого, то в Бельгии начало четвертого – магазины должны работать.

Только бы получилось.

Оглядев темную улицу перед прыжком – деревянные покосившиеся дома, неровную дорогу и застывшие льдом лужи, – я почему-то подумала о том, как сильно соскучилась по Дрейку.

* * *

Магазин, о котором я помнила еще с давних времен, оказался открыт. В нем продавали удивительно красивые тканые гобелены. Такой хоть на стол, хоть на подушку, хоть на стену – найдут бабушки применение. Еще бы найти качественные наборы полотенец (в хозяйстве женщинам пригодятся) и винную лавку, чтобы порадовать хорошим конья-

ком деревенских мужчин.

Брюссель гудел.

Центральная площадь, толпы туристов, кафе с извечными завсегдатаями, доносящиеся с дороги гудки полицейских сирен. Здесь никогда ничего не менялось: все так же высился в небе шпиль высокой готической ратуши, все так же продавали в каждом окне Бельгийские вафли и здоровенную клубнику в шоколаде.

Я облизнулась, поудобней перехватила объемный пакет с рулонами золотистой вышитой ткани и, огибая фотографирующихся на фоне знаменитой архитектуры людей, направилась через площадь. Винная лавка находилась на углу, рядом с шоколатье, а магазин домашней утвари – вниз по улице. Надо поторопиться.

* * *

Бутылки в тяжелых пакетах грохотали, плечо оттягивали две объемные сумки; я осторожно занесла их в сени, поставила у стены, прикрыла за собой деревянную дверь и отдышалась. Ух, куртка промокла от пота: там тепло, здесь холодно, все второпях, все на бегу, но подарки понравятся. Раздадим утром, скажем, что от нас всех...

Из комнаты доносилось хоровое пение, значит, дошло и до этого. Слаженно голосили и деды, и бабки, кто-то подыгрывал на гармошке. Я толкнула дверь в избу и оторопела: от-

паренный и отмытый спецотряд с полотенцами на влажных волосах и красными лицами уже расположился за столом.

На коленях Эльконто ерзал чей-то внучок, к Баалу (видимо, не удержалась в нахлынувшей ностальгии) привалилась плечом порозовевшая Васильевна, Рен держал в руках стопку с настойкой и, расчувствовавшись, покачивал в такт песни головой, а Чейзер показывал одному из любопытных дедов военный нож, который, насколько я помнила, всегда носил в голенище сапога. Остальные пытались подпевать, видимо, песня по чьей-то просьбе шла по второму кругу.

Боже мой, даже угрюмый Канн, и тот старался вторить...

Так-так-так!

Удался, однако, вечерок-то!

Людмила – полная тетка лет сорока, что жила по соседству с бабушкой – заметив меня, наклонилась и прошептала:

– Тебя по-большому пронесло, небось? Чего-то долго не было. Давай принесу отвар из укропа, для желудка как раз.

Я стерла в лица удивление, сдержала расползающуюся по лицу улыбку и покачала головой.

– Спасибо. Мне уже лучше.

Та понимающе кивнула и перевела взгляд на сидящих за столом парней.

– Вот иностранцы, а ты поглянь какие хорошие, а? И водку пьют, и поют... Вот бы прижились!

– Да уж, – крикнула я и подмигнула сидящему у самой стены Халку. Тот захрустел соленым огурцом и подмигнул

В ответ.

* * *

«Иностранцы» жителям деревни полюбились.

И потому мы покинули Польшаевку не рано утром, как планировали накануне, а только к шести вечера.

Сама я проснулась около полудня в доме той самой соседки Людмилы, потому как начала клевать носом прямо за столом, пока веселье находилось в самом разгаре. Где спали остальные, для меня осталось загадкой, но ко времени моего пробуждения они уже успели починить покосившийся забор Ильичны, закрепить отошедшие и разохшиеся ставни бабы Вари и ей же перетянуть бельевые веревки во дворе. Узнав о «Тимуре и его команде» к Варваре поспешили и другие, начали просить помощи с сараем, с сениями, с печью и еще Бог знает с чем...

Только и видно было знакомые силуэты парней, шагающие по покрытой лужами дороге от одного дома к другому. Вот так завезло!

Я хихикала. Сами подвязались...

Деревенские бабы восторгались: при гостях ни один худой алкоголик не показывал носа наружу, мужики, затянув пояса, ходили вокруг петухами, все вдруг сделались деловыми, дружными и веселыми.

К трем часам сели обедать, а позже тот самый дед, что

вчера вечером рассматривал нож Чейзера, неожиданно пригласил всех смотреть его боевые награды, да слушать фронтовые рассказы. Дед старый, почти слепой, как отказать...

Шуршали старые альбомы, смотрели с выцветших страниц лица, некогда имевшие место в судьбе старика, были извлечены из шкафа пыльные шкатулки с медалями – ветеран по имени Савельич, покашливая и изредка прерываясь на раскурку самокрутки, рассказывал о войне. Смачно рассказывал, грустно и с юмором; сквозили в его словах взгляды ушедших друзей, слышались их давно переставшие звучать голоса, гремели над окопами тени беззвучно рвущихся бомб.

Ребята слушали молча; Эльконто, поджав губы, смотрел в окно.

Савельич был до слез рад слушателям: хоть кому-то поведать, как оно было, рассказать о тех днях, поделиться мыслями, эмоциями, воспоминаниями. Бабки сочувственно качали головой, мол, да надо бы оно гостям? Но нет-нет сквозила в их глазах и благодарность: «Спасибо, что не обделили его, убогого, вниманием. С кем ему еще говорить? Мы по сто раз это все уже слышали...»

Под конец дед достал из шкафа старый нож. Подошел к Чейзеру – почему такой выбор? Непонятно.

– Ты возьми, сынок, на память от меня. Видно, умеешь обращаться с оружием, а сейчас мало таких умельцев. Пусть у тебя от деда сохранится. А то помру, внуков нет, жалко, если потеряется или пропадет – я с ним всю войну прошел.

Как и ты, за голенищем хранил.

Аллертон принял подарок.

Старик не заметил, но заметила я: руки Мака едва заметно дрожали, а в глазах застыла далекая тоскливая боль вкупе с признательностью.

Халк в доме курить не стал – вышел на улицу. Я незаметно выскользнула за ним.

Опершись о заднюю стену избы, мы смотрели на присыпанную снегом комковатую землю огорода, на кусты с болтающимися на стволах, оставшимися с прошлого года, подвязочными лентами, на склон, что за огородом плавно уходил в неглубокий овражек, чтобы через метров триста превратится в пологий, покрытый лесом холм.

Ярко светило солнце; с крыши капало.

На душе вроде и хорошо, и привольно, но немного грустно. Будто камешек сверху лег.

Халк выпустил изо рта очередной клуб дыма и произнес:

– Старые они. Почти все старые.

– Да, я говорила, это деревня, здесь молодых мало.

– Я не об этом. – Он помолчал. – Непривычно видеть сразу столько стариков.

– А-а-а, ты про время. – Я покачала головой и тоже какое-то время стояла без слов. – Да, многих из них через несколько лет не станет. Здесь жизнь короткая.

Возле подошв, перелетев через лужу, в которую постепен-

но превращались свисающие с крыши сосульки, проскакал воробей, остановился у самых ног, посмотрел снизу вверх, мол, нет у вас еды? А не дождавшись, полетел к забору и уселся на теплую подсохшую доску.

– Это, наверное, и хорошо, Ди. Время идет, это мотивирует. Когда они знают, что каждому отмерян ограниченный отрезок, стараются сделать все, что могут до того, как...

– И да, и нет, Халк. Согласна, с осознанием конечности жизнь и время приобретает ценность, но в суматохе, в заботах, в собственных мыслях об этом быстро забывается. Если бы мы каждый день помнили, тогда была бы и мотивация. Но мы – люди. Мы не помним.

– А у нас этой мотивации нет. Жизнь не ограничена временем.

– Поэтому и существуют Уровни. Чтобы сохранялось ощущение движения вперед, чтобы оставался смысл.

Сенсор отряда задумчиво покачал головой. Просто покачал – не споря и не соглашаясь, по-философски. Долго курил молча, смотрел на лес за овражком.

По-видимому, деревня на всех произвела впечатление.

Провожали нас всем кахалом.

Куда же вы пешком до станции? А, может, поднять Михалыча – загрузим вас в грузовик, в кузов все поместятся, да отвезем до города? Ну, хоть до электрички? Нет? Все-таки сами?

Мы отбивались, как могли, не объясняя же, что нам бы только до поворота, чтобы с глаз скрыться, а там мы и «сами с усами».

Вот от чего отбиться не удалось, так это от банок с вареньем, соленьями и маринадами. Как же, все свое: помидорчики, огурчики. Помнится, вчера все съели в охотку. И настоечки с собой обязательно, да-да, тут всего пара бутылочек. Ну, не пара, а на каждого по одной, так оно и правильно... Вы же нам вона сколько надарили!

Вокруг бегал Карат, крутил пушистым хвостом и радостно повизгивал, чувствовал суматоху.

Сбоку, опершись на палку, стоял Савельич, причмокивал сухими губами и время от времени пытался незаметно промакивать глаза рукавом. Васильевна тоже плакала; кто-то спрашивал, когда мы приедем в следующий раз.

Ребята тушевались, держали в руках сетки с соленьями и не знали, что сказать. Я то и дело ловила на себе вопросительные и смущенные взгляды. Что ответить? Да если бы я знала, что ответить...

Попрощавшись, мы развернулись и зашагали по дороге. Перед глазами почему-то стояло лицо Савельича и вспомнились теплые руки двоюродной бабушки, трясущие мои ладони: «Диночка, ты только приезжай проводить, ладно? Хоть иногда... приезжай».

Я приеду, бабушка, обещаю.

Блин, что ж так тяжело-то?..

Наше молчание прервалось только тогда, когда приблизился поворот и кромка леса. Ко мне повернулся сосредоточенный и хмурый Рен.

– Спасибо.

Я, не сбавляя ходу, бросила на него короткий взгляд.

– За что?

– За то, что привела нас сюда. И за то, что, пока мы пили, купила им подарки.

Я улыбнулась мягко, чуть грустно.

Подаркам радовались так, как я себе и представить не могла. Разворачивали и пересматривали гобелены, изучали вышивку, хвалились друг перед другом доставшимися рисунками. Полотенца разворачивали, с удовольствием прижимали к лицу, нюхали и снова аккуратно складывали, пытались утрамбовать обратно в хрусткие полиэтиленовые пакеты. Ведь даже пользоваться не будут, так и оставят на приданое какой-нибудь Нинке...

А с каким благоговением смотрели на диковинные бутылки из темного стекла мужчины – что, правда, коньяк? А это? Это бурбон. Ничего себе! Настоящий французский бурбон! Вот мы попробуем, чего там когда-то Наполеон пил... А вот в этой витой бутылке что? Ух ты, правда что ль чистейший бренди? Нет, Сашок, отвали, это мне подарили! Вечером не открою, теперь только на праздник!

Они ценили. Действительно ценили подарки. Пусть простые и не очень дорогие, они приняли их с таким восторгом,

что защемило сердце. Эти люди, безыскусные, бесхитростные и искренние, подарили нам часть себя, часть своей души. И эту часть – я была уверена – каждый из нас сохранит внутри как нечто очень ценное.

Глава 5

Последний день путешествия

Россия. Вечер.

Сложно сказать почему, но после Полысаевки парни загрустили, и вместо того, чтобы искать развлекательные мероприятия, мы устроились в небольшом кафе, где, выложив на стол знакомый атлас, вот уже час неспешно пили кофе.

Ледники? Нет. Хотим посмотреть на огромные мосты, плотины, посетить музеи? Нет. Как насчет визита к пирамидам? Да, там жарко, но интересно и пока светло. В другой раз? Хорошо. Еще один поход в ночной клуб?

Устало качались головы – всем хотелось тишины и покоя. Скоро возвращаться назад, отдых заканчивается, впечатлений уже вагон и маленькая тележка, ни к чему последние часы проводить под грохот музыки.

Сетки с деревенскими банками покоились в гостиной у Дэйна – их спецотряд заберет по домам позже. А пока еще другой мир, всего один уровень, зато какой разный, какой интересный, ставший им, чужакам, немножко родным.

– А как насчет такого плана: сейчас мы где-нибудь погуляем, поужинаем, посидим, послушаем музыку, а после найдем дрова и перекинемся туда, где сможем разжечь костер и посмотреть на звезды?

Все согласились. Только Рен, не прислушиваясь к диалогу, задумчиво смотрел в окно. Я оставила кофе, протянула руку и коснулась его рукава.

– Ты чего?

Декстер повернулся. Небритый, с серо-синими глазами, все такой же грутально красивый. Как только Эллион смогла к нему привыкнуть?

– Ди, в вашем мире ведь много бездомных животных?

Я удивилась теме, над которой он думал. Мимо стола прошел официант, спросил, не нужно ли чего. Лагерфельд заказал еще кофе, Баал второй кусок чизкейка.

– Много.

– Я видел эти щиты с фотографиями. Приюты.

– Угу.

– Как думаешь, мне дадут одного?

– Кого?

– Ну... котенка, например. Я бы для Элли принес.

Вот тебе и ассассин... на душе почему-то стало очень тепло. Я улыбнулась.

– Если не дадут тебе, то дадут мне. Я ведь Мишку и Огонька отсюда же принесла.

– Мы можем туда сходить?

Часы над прилавком с кофейными машинами показывали половину восьмого.

– Сегодня уже, наверное, поздно. Сходим завтра с утра. Нормально? Во сколько вам надо быть в Реакторе?

– К обеду.

– Успеем. Как раз сразу домой и отвезешь, чтобы не к Дэйну.

Рен повеселел.

Снайпер сосредоточенно пыхтел и прислушивался, наверняка начал бы ныть, что кошка Декстера обгадит ему все ковры, закинь мы того в уже и так порядком захламленную гостиную, но Эльконто меня удивил. Долго мялся, чего-то думал, прикидывал, а потом неуверенно спросил:

– А мне?

– Чего тебе?

– Ну, тоже кого-нибудь...

– Гейшу ему японскую! Ты же говорила, что они лучше всего мужчин ублажают, – вступил в разговор Лагерфельд, – вот и пусть доласкает его вечно недоласканного...

– Где я ее возьму? В приюте для животных?

Дэйн грозно сдвинул светлые брови и показал Стивену кулак.

– Ну, тогда рыбок ему целый пук. Пусть поставит в штабе на «Войне» и кормит их там дохлыми червячками.

– Док, вот достану я тебя однажды и накормлю червячками! Живыми! Подарю тебе, нафиг, попугая и научу его говорить «Дохтур гомно!»

Эти двое опять сцепились.

– Долго учить придется!

– Да пятьсот тыщ раз повторяю и не устану! Пока сам в это

не поверю!

Вот ворчит белобрый ежик с косичкой, а сам от смеха давится. Я укоризненно покачала головой – что за сладкая парочка? Но спасибо этим двоим, атмосфера за столом изменилась, потеплела.

– Так, любители животных и скабрёзных шуток, допиваем кофе и выдвигаемся. Погуляем и заодно поищем хороший ресторан. А после за дровами.

Пустыня Сахара

Ночь. Температура плюс пять по Цельсию.

Мне очень хотелось показать им это место: нигде больше нет такой тишины – глубокой, завораживающей, абсолютной.

И звезды. Они висят так близко – огромные мерцающие бусины, – что, кажется, не нужно никаких световых лет, чтобы достичь их, а только протяни ладонь и коснешься. Мириады звезд, бесконечная россыпь на черном небосводе – граненные космосом алмазы.

Нигде больше нет такого удивительного ночного неба, как в пустыне.

Сахара.

Бесконечная, растянувшаяся вокруг на сотни километров безлюдная и почти безжизненная территория.

Мы сидели вокруг потрескивающего поленьями костра, сидели на пластиковых ковриках, что принесли с собой; песок ночью быстро остывал. Ни машин, ни людей, ни звуков. Только треск и летящие в небо искры. За нашими спинами, на барханах, танцевали длинные изогнутые тени.

– Поразительное место.

– И так тихо.

Я хотела было кивнуть, но отрывать лицо от ладоней было лень, поэтому я продолжала сидеть без движения. Огонь завораживал.

Мы много где побывали и многое увидели; пусть не все, пусть меньше одного процента или его доли от того, что можно было увидеть, но все же. Череда лиц, стран, пейзажей, дорог, чужих незнакомых улиц. Мы постояли на Китайской стене, едва не слились с дождем в грохочущий водопад Южной Америки, гуляли по старинной Европе, катались на автобусах и трамваях, посетили парк развлечений, ели странную и незнакомую еду, лежали на далеком Индонезийском пляже, гудели в забытой Богом сибирской деревне...

Мы столько всего делали.

Надо же... всего четыре дня. Как много, оказывается, можно уместить в четыре дня.

А завтра домой.

Который из двух миров стал домом мне?

Оба. Оба стали родными, и этот, мир планеты Земля – прекрасный сказочный, хоть и сложный мир, и тот, мир

Уровней, доброжелательно принявший в свои объятия. А сколько их еще, других миров? Тысячи, миллионы, миллиарды, отделенные от нас лишь тонкой гранью реальности.

Невероятно.

Чейзер неторопливо обстругивал ножом деревяшку, Рен курил одну из Халковых сигар, а сам сенсор, отломив прутик от одного из поленьев, ворошил им раскаленные угли.

Ладони и колени пекло, спина подмерзала.

– Знаете, – подал голос Канн, глядя куда-то ввысь, – хоть здесь и идет время, а, значит, я постарел на четыре дня, я ни о чем не жалею. Мне понравилось.

– Мне тоже. – Кивнул Рен. – Один Уровень, но никому не тесно. А этот космос за пределами... Почему-то я никогда не задумывался о тех звездах, что висят над нашими городами. Насколько они далеко, зачем?

Зачем?

Вечный вопрос. Кто создал, почему и зачем.

Наверное, для нас, для людей. Чтобы мы жили, смотрели вверх и думали, для чего мы есть? Чтобы искали смысл бытия, чтобы пытались постичь неизвестное, чтобы терялись в вопросах, не имеющих ответа.

– Да, хорошо, – добавила я, не имея в виду ничего конкретного. Просто хорошо.

– Спасибо тебе, что мы здесь.

На лице Эльконто, оранжевом от света костра, застыло непривычно серьезное выражение. Даже смешинки в глазах

пропали.

Я легко пожала плечами.

– Пожалуйста.

Время не властно над незыблемым. Каким-то образом, сидя здесь, в пустыне, мы ухватили его часть.

Огонь, пляшущий прямо на песке, застывшие лица друзей, подернутые печатью философских размышлений, молчание, в котором больше смысла, чем в любых словах и магическая тишина вокруг. Ветер заметет наши следы, бороздки дюн восстановят форму, а вечность застынет над этим местом, как было до того. И как будет после.

– Мы еще вернемся.

Они смотрели на меня с благодарностью. Даже если не вернемся, говорили их глаза, не важно, мы уже...

Уже.

И спасибо тебе за это.

Эпилог

Мир Уровней. Нордейл

* * *

Элли визжала от восторга.

Перепуганный грязный кот – небольшой еще, почти не утративший черты котенка-подростка – наблюдал вращающийся вокруг мир светлыми зелеными глазами. Его худое тело вздрагивало под пальцами, а тонкий хвост болтался веревочкой. Розовые подушечки, выпустив мелкие коготки, растопырились в стороны.

Кот из приюта.

– Рен! Он такой лапочка! Какой пушистый, какой ласковый...

– Пыльный немного...

– Классный! Он просто классный! А глаза какие красивые!

– Он смотрел на меня, малыш. Правда смотрел. Как будто знал, что я пришел за ним.

– Ты просто чудо! Рен, ты чудо! Спасибо тебе за этот подарок!!!

– Я рад, что он тебе понравился.

– Понравился?

Элли носилась по дому, как сумасшедшая.

– Куда мы поставим миску? Рен, так ведь у нас нет миски! И нет кошачьего корма! И где он... как же тебя зовут, милый, где он будет спать? Рен, давай поедem в магазин, купим много корма, того, что сухой и в пакетиках! Видел, в супермаркетах есть полки, где стоят кошачьи пакетики!

Кое-как прервав кружение своей возлюбленной, Рен обнял ее за плечи и поцеловал. Поцеловал нежно, со всей любовью, молча благодаря за те минуты, часы, дни счастья, которые получил, когда Элли вошла в его судьбу.

Безымянный пока еще кот, почувствовав, что вращение мира прекратилось, а сжимающие его пальцы ласково гладят ухо, тихонько затарахтел.

* * *

Халк открыл стенку встроенного в стену бара, отступил на шаг и какое-то время любовался собранной коллекцией алкогольных напитков. Редкие экземпляры, уникальные. За некоторые бутылки сейчас можно было бы сломить такую цену, что хватило бы на новый автомобиль.

У каждого свои причуды.

Конрад всегда любил не только сигары, но и хороший алкоголь.

Около минуты ушло на раздумья, затем он вновь подошел

к бару, раздвинул Чивайский Рашгал и Лартанский виски, нагнулся, вытащил из пакета прозрачную бутылку без надписей и поставил ее на освободившееся место.

Клюквенная настойка. Самодельная. Из другого мира.

Тут ей самое место.

Халк довольно улыбнулся и закрыл бар.

* * *

Дэйн Эльконто не любил перемены. По крайней мере, не такие. Вот только что все было захламлено: чужие носки, трусы – чистые и грязные, жирные тюбики с кремом для загара, коврики, облепленные песком, покрытые комьями грязи ботинки...

А теперь пусто.

Никого и ничего. Идеально чистая гостиная: ни голосов, ни шуток Лагерфельда, ни валяющихся повсюду сумок.

Грустно.

Надо было, наверное, взять того пса с черно-белой мордой. Понятное дело – где его держать, как гулять, когда ты сам то здесь, то на «Войне», вот только все равно надо было.

Эльконто вздохнул, оглядел замолчавший дом и сел в кресло.

Слишком тихо.

Взирал из кармашка единственной оставшейся стоять на полу сумки – его собственной – краешек глянцевої бумаги

Всю дорогу до дома Чейзер думал лишь о том, не побьются ли в багажнике банки с помидорами. Может, стоило поставить на пол у пассажирского сиденья? Или обернуть тканью? Жаль будет, если побьются, машину-то можно отмыть, а вот где взять домашние соленья? Конечно, в магазинах продается все: и томаты, и огурцы и джемы, но все не такое. Какое-то не такое.

Не домашнее.

Сбавив скорость и избегая резких поворотов, он вывел автомобиль на широкий проспект, включил радио и улыбнулся. Мак был единственным из тех, кто все еще не сдал браслет – наконец-то он поймет, о чем поется в той песне, что несколько недель назад Ди специально записала для него. А то произносить «Blood For Poppies» он, значит, научился, а вот смысла до сих пор так и не понял – непорядок!

Ну-ка, ну-ка, послушаем...

Разъехались в стороны створки профессиональной магнитолы, замигали, тестируя систему, десятки лампочек эквалайзера.

По стопке открыток, лежащих на соседнем сиденье, мерно пробегал свет уличных фонарей.

Париж, Амстердам, Пиза, Мюнхен... Бернарда, оказыва-

ется, покупала их втихаря, а после, когда сумки уже были разобраны и все приготовились разъезжаться по домам, подарила по такой вот пачке каждому участнику «великого похода». На одной даже застыл силуэт молчаливой пустыни – здорово! Мак решил, что обязательно повесит их над каминной полкой в гостиной.

Магнитола завершила тестирование; на панели высветился значок загрузки в память первой композиции.

Когда из колонок раздались сначала знакомые звуки гитары, а после добавился и голос, Аллертон едва не зажмурился от удовольствия.

Конец.

«Совпадение»

Из цикла рассказов серии "Город"

Email: lady-melan@gmail.com

Занятая просмотром утренней передачи, профессиональный шеф-повар Лисса Паркинс и не думает о том, что упомянутый неким Антонио "супер-ингредиент" окажется столь сложным в нахождении. Однако еще меньше она думает о том, что по приезду в магазин она получит вовсе не продукт для кулинарии, а... чемоданчик. А еще просьбу: "Передайте это Мэтту Карсону. Он ждет вас уже несколько дней". Ждет ее, Лиссу? Точно? А не вышло ли здесь ошибки? Придется проверить, ведь не все совпадения заканчиваются плачевно – некоторые, как известно, очень даже чудесно... Это новый, смешной, искрящийся и сногшибательно-веселый рассказ из серии Город, где нам встретятся не только новые герои, но и кое-кто из старых знакомых, а именно – да-да, он самый – шеф-повар Рена Декстера – Антонио Гарди!

Глава 1

– Используйте франхель. Обязательно используйте! Этот ратайский корень, когда вы очищаете верхний слой и обжариваете его на растительном масле, придает блюду уникальный, терпкий, неповторимый аромат, который ничем нельзя заменить. Ни горчица, ни добавленный майонез с перцем, ни даже трава Мисса не дает такого аромата, хотя многие приписывают ей воистину мистические свойства. Нет-нет, поверьте, трава Мисса так не пахнет! И уж совсем не такова на вкус. А вот если использовать франхель...

Я в очередной раз зависла с ложкой над чашкой с мюслими и уткнулась взглядом в телевизор, чтобы разглядеть, наконец, диковинный корень, о котором никогда в жизни не слышала. А «никогда в жизни» дорогого стоит, так как, готовясь открыть собственное кафе-ресторан, готовила я ежедневно вот уже несколько лет: в ресторане Мелари Элкинса, подрабатывая вторым поваром, дома, в гостях, на пикниках и даже с выездом по договору с банкетной организацией. В общем, готовила с утра до вечера, а вот о корне с названием «Франхель» услышала впервые.

Деловитый усатый мужичок на экране сновал позади вытянутого студийного стола, как танцовщица. Туда-сюда, лопатка-блюдо, ложка-тарелка... Это помешали, это размешали, это размололи, это порезали и скинули в кипящую воду.

В программу «Еда с изыском» приглашали разных поваров – всех, как один, именитых, – но пузатого усача в белом переднике я видела впервые.

Антонио... Как его фамилия? Судя по акценту, валлиец. Ведет себя уверенно, вероятно, знает, что делает.

– Рис выйдет небесно мягким и пропаренным, если варить его не в воде, а на молоке Пайды. Что?

Стоящий рядом ведущий деликатно поинтересовался о происхождении диковинного молока – видимо, как и я, не был подкован в знаниях по всему набору ингредиентов, используемых изобретательным Антонио. Тот довольно провел пальцем по пышным усам и довольно ухмыльнулся.

– Это все ратайская кухня, с которой, к сожалению, мало кто знаком. А зря, зря. Если в вашем городе найдется хоть один магазин – вы счастливчик! Срочно бегите туда и запасайтесь всем, что можете найти, начиная от веточек Пузины до...

Я неожиданно для себя расхохоталась – надо же было назвать веточки таким дурацким словом! (от них пузо растет или уходит?) – да так громко, что едва не пропустила окончание фразы.

– ... до сочных лупанов в банках...

Продолжая давиться от смеха, (лупаны! Кто мог назвать продукт «лупаном»? Там глаза в банках плавают?) я принялась строчить в лежащем рядом блокноте:

1. Франхель

2. Лупаны

3. Ветки пузины

4. Молоко Пайды...

Что? Что еще там было? Пропустив-таки половину из названных, поразительно быстро болтающим Антонио, названий кореньев-трав, успела добавить.

5. Урилла (для рыбы)

6. Чувелла (для мяса)

(Хотелось бы на последнее взглянуть!)

7. Ирбил

И некий загадочный «карузей» под номером восемь.

Довольно откинулась на стуле, когда повар с экрана перестал перечислять незнакомые приправы и вновь переключился на обожаемый им франхель.

Вот, теперь понятно, чем я займусь в собственный выходной – попытаюсь отыскать в городе магазин ратайских продуктов. Вдруг повезет? А то с самого утра маялась головой: то ли в кино сходить (но подруга занята), то ли в кафе (но там я обязательно начну дегустировать все подряд, и хорошо, если не разнесу через час критикой всю кухню), гулять скучно, спать лениво, читать нечего, а вот готовить – это всегда интересно! Если к обеду я успею вернуться с новыми ингредиентами, к вечеру побалую себя вкуснейшей курицей по новому рецепту – чем не праздник?

Жаль, только, позвать некого...

«– Ничего, не грусти, Лисса. Найдется и для тебя «поло-

венок»» – именно так сказала бы сейчас верная Джен. Просто потому что она всегда так говорила. И всегда, в отличие от меня, в это верила. А «половенком» она, понятное дело, называла мою будущую вторую половину, которая до этого момента надежно затерялась в днях будущих и все никак не могла найти путь в день настоящий...

Не позволив настроению соскользнуть вниз, как трусам с ослабшей резинкой, я быстро дожевала завтрак и приготовилась покорять вершину замечательного дня. Главное, чтобы она покорилась хотя бы к вечеру, и чтобы я не выдохлась до того.

Так, встали, потянулись, тарелки убрали в раковину и пошли искать телефонный справочник – сегодня мне или повезет... «или тоже повезет, но с чем-то другим» – еще одна любимая фраза Джен.

Знала бы подруга... Да, если бы она только знала, насколько пророческими окажутся ее слова именно в этот день...

Но... Обо всем по порядку.

Постоянная и непрерывная занятость телефонной линии наводила на мысли о том, что я пытаюсь дозвониться не то по анонимной линии Комиссии, принимающей жалобы от населения, не то в едва открывшийся публичный дом, куда взяли самых привлекательных и аппетитных женщин со всего города. Честное слово, не пробиться!

В очередь, господа, в очередь! Вы, мужчина, не толкай-

тесь, я первый сюда встал и уже час жду входа. Да, я за этим – усатым, а тот за бородатым, а тот еще за вереницей из похотливых самцов, желающих посмотреть на соблазнительные формы искуcительниц...

Прокручивая в голове всякую ерунду, а в пальцах телефонный шнур, я придирчиво разглядывала себя в зеркало. Чуть выше среднего роста, гибкая, стройная... почти... ну, э-кхм, нормальная, с округлостями, призывными карирами глазами и вьющимися каштановыми волосами – я и сама могла бы собрать хит посещения в новом публичном доме. И куда только смотрят местные мужчины? Ну и что с того, что чуть безумна, с вечно бьющей ключом энергией, странными идеями и люблю громко смеяться? Зато умна, начитана, прекрасно готовлю и всегда ласкова. Прямо-таки готова на эксперименты как в деловой, так и в личной жизни. Осталось найти «половенка» или хотя бы его временную замену. Желательно с хорошим красивым телом и наличием ума...

Не успела я в который раз восхититься сверху донизу собственным отражением, как на том конце – слава Создателю – ответили.

– Алло! Кто говорит? Слушаю?

От наличия в речи резкого, незнакомого, но вполне себе милого акцента, я растерялась.

– Это Лисса говорит. Лисса Паркинс... Э-э-э, вы меня все равно не знаете. Скажите, у вас магазин ратайских продуктов?

На том конце долго молчали – не то переваривали услышанное, не то так же, как и я, приспособливались к акценту.

– Да. Магазин. Да.

Чудесно.

Я развернула зажатый в пальцах листок и пробежалась глазами по списку.

– Скажите, а у вас есть в наличии Франхель?

– Сто?

– Франхель!

Беседа начинала забавлять.

– Есь.

– А лупаны?

– Люпаны? Есь.

– А-а-а... Корень рампампуя есь? – Зачем-то не удержалась и пошутила я; на том конце многозначительно замолчали, задумались.

– Неть. Такого неть. – Определились, наконец.

Так, меня однозначно понимают и отвечают по существу. Есть контакт.

– А «карузей» есь?

Я надеялась, что произнесла слово верно, так как не была уверена, что записала его правильно, но к своему облегчению услышала очередное довольное «есь». – Тогда я еду к вам. Скажите адрес.

– Адлес?

– Да, адрес.

– Записывайте...

Спустя минуту под списком заморских продуктов красовался кое-как услышанный и распознанный мной адрес нужного места. Поблагодарив незадачливого «ответчика», я довольно кивнула самой себе, облегченно выдохнула – все-таки, нелегкая это работа понимать «рататуйский» акцент – и положила трубку.

* * *

«– Придумаешь новое блюдо – такое, чтобы нравилось всем без исключения – подниму зарплату на пятьдесят долларов. Еще одно – еще на пятьдесят. А составишь новое меню – замену старому – увеличу оклад вдвое...»

Слова, сказанные неделю назад старшим шеф-поваром Мелари Элкинсом, который день не шли из головы.

Поскрипывал и чихал автобус, нес меня – почти единственную пассажирку салона – в неизвестном направлении. В жаркий полдень жители Нордейла едва ли желали путешествовать в окраинные трущобы – их поток был направлен к центру, к озерам, – а я же, как умная Аглая, с упорством нассавшего в ботинки кота и не желающего это признавать, продолжала ехать на неотмеченный на большинстве карт Линтон булевар, 87, всерьез надеясь, что не ослышалась и не приняла «Линтон» за «Ниптон» или «Пиптон». А вдруг существуют и такие?

А что, если эта самая курица с новыми кореньями окажется тем самым блюдом, которое вызовет у Мелари восторг? Вдруг, он влюбится в нее с первого взгляда – не в курицу, но в ее вкус, – и решит, что зарплату мне – изобретательной – можно поднимать уже сейчас? И тогда, то кафе, то самое роскошное и замечательное (пока еще пыльное, пустое и унылое, но это не на век!) станет ближе ко мне. На шажок, на полшажочка, но ближе! Одна умная курица с франхелем или как бишь его там? Один новый десерт с никому неизвестной пряностью, одна новая закуска, и вот я уже почти владелица собственного бизнеса! Стою на новой кухне, сияющей хромом, в белом колпаке, переднике, а Антонио – пузатый, счастливый Антонио – дегустирует мои блюда и с сияющими глазами причитает: «Создатель! Да это же гораздо лучше, чем у меня... Вы, Лисса – гений!»...

Вторя моим радостным мыслям, чихнул и остановился автобус.

– Линтон булевар.

Очнувшись от мечтаний, я подскочила с жесткого сиденья и пулей бросилась к дверям. Едва успела вывалиться наружу, прежде чем сзади раздался скрежет захлопывающихся створок. Ну и водила! Учит спринту новичков-марафонистов? Самому бы ему три секунды на выход. Хотя, может, на этой остановке обычно никогда никто не выходит?

Стоило автобусу уехать, я огляделась по сторонам: духота, солнце, на небе ни облачка, пешеходов почти нет. По обеим

сторонам неширокой и почти неприкрытой деревьями улицы тонули в жарком мареве выцветшие вывески: химчистка у Дина, прачечная, неприглядный и пустой на вид салон красоты. Возможно, закрытый на ремонт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.